

КРИМИНАЛИСТИКА

С. А. Величкин*

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

Изначально криминалистика определялась как руководство по расследованию преступлений и состояла из методов, приемов и средств, относящихся к естественным и техническим наукам, медицине, психиатрии, наукам уголовно-правового цикла, специальным наукам (психологии, НОТ, логики), а также разделов, посвященных работе со следами, подложными документами, изучению отдельных видов преступлений, быту и характеристике преступников, воровскому языку, суевериям и т. п.¹ По существу это был обобщенный научный и практический (эмпирический) опыт, синтезирующий мировые достижения в области расследования преступлений (руководство), объединенные в некую систему под названием «криминалистика» — от лат. *criminalis*, т. е. относящийся к обвинению, преступлению.²

Такое «пестрое» содержание криминалистики объяснимо и оправдано первым опытом по созданию самостоятельной дисциплины, когда еще невозможно достаточно четко и внятно расставить все приоритеты в сложной деятельности по расследованию преступлений, определить предмет науки и ее отношение с другими уголовно-правовыми науками, имевшими к тому же в этой сфере долгую историю и опыт применения. Можно сказать, что представленные на суд научной общественности разнообразные средства познания, объединенные общим названием «криминалистика», выглядели не органическими частями новой дисциплины, «а практическим пособием для следственных работников, где принято давать рекомендации, относящиеся к различным наукам, которыми приходится руководствоваться практическим работникам».³

---

* Величкин Сергей Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета СПбГУ; e-mail: velichkin.s@bk.ru

© С. А. Величкин, 2013

¹ Ягеманн Л. Руководство по судебному расследованию. Франкфурт, 1838–1841; Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908; Вайнгарт А. Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений. Овруч, 1910.

² Краткий словарь иностранных слов. М., 1966. С. 160. — Впервые термин «криминалист» был использован по отношению к расследующему преступление лицу в 1849 г. В. А. Линовским в его работе «Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России» (Кузнецов М. С. Исторический очерк. Криминалистика. 100 лет преподавания криминалистики в учебных заведениях России. СПб., 2011. С. 10).

³ Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978. С. 8.

Сказанное предвещало непростой путь развития и становления криминалистики как самостоятельной науки среди иных дисциплин уголовно-правового цикла.⁴

Анализ состояния криминалистики в странах Западной Европы, Великобритании и США показывает, что этот подход к развитию и пониманию криминалистики сохранился и до настоящего времени.⁵ В результате нет четкого представления о предмете, методах и системе криминалистики, целях и задачах, об отношении с правовыми, естественными, техническими и специальными науками.

Присущий этим странам прагматический подход к криминалистике способствовал значительному росту и развитию научно-технических средств, что само по себе хорошо. Однако недооценка самостоятельного юридического характера криминалистики, отношение к ней как к полицейской науке с широким спектром разнообразных задач, не укладывающихся в предмет криминалистики, отсутствие различия в подходе к использованию научно-технических средств из других областей знаний, а также приспособленных или специально разработанных криминалистикой, не позволяют однозначно оценить ее успехи в этом направлении.

Другие направления криминалистики вообще не имеют какого-то системного характера исследования: общенаучные положения, тактические и методические вопросы рассматриваются эпизодически, без должного научного анализа, достаточно поверхностно. Такой подход во многом обусловлен пониманием криминалистики Г. Гроссом как учения «о реальностях уголовного права», где ей отводится скромная роль вспомогательной по отношению к уголовному праву дисциплины.⁶ «Это привело к тому, что в настоящее время последователи Г. Гросса включают в предмет криминалистики не только многие разделы науки уголовного права, но и криминологии, психологии, физики, химии и других наук, неоправданно расширяя тем самым предмет криминалистики, представляя данную науку как имеющую подчиненное положение относительно уголовного права, стирая границы между криминалистическим, уголовно-правовым и криминологическим познанием и тем самым лишая криминалистику ее самостоятельности в системе юридических наук».⁷ В то время как сам создатель криминалистики считал, что она «завоевала себе значение самостоятельной науки, со строго ограниченной областью и обстоятельной обработкой ее отделов».⁸ Следуя логике рассуждения Г. Гросса, можно сказать, что вспомогательная по отношению к уголовному праву роль криминалистики не отрицала ее самостоятельного значения и пути развития, который виделся автору естественнонаучным согласно природе науки.⁹

В то же время современники Г. Гросса оценивали появление криминалистики, как и другой его работы «Криминальная психология» (Graz, 1905), как эволюцию уголовного права, знаменующую собой создание новой школы права, победившей историческую

⁴ См., напр.: Васильев А. Н. Введение в курс советской криминалистики. М., 1962. С. 4.

⁵ См., напр.: Клаус Д. П. Естественно-научная криминалистика. М., 1985. С. 10–13; *Криминалистика* / Под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. СПб., 2001. С. 31–40; *Возгрин И. А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография.* СПб., 2003. С. 151–165; *Криминалистика: информационные технологии доказывания* / Под ред. В. Я. Колдина. М., 2007. С. 14–20; и др.

⁶ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. IX, XV.

⁷ *Криминалистика* / Под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. С. 31.

⁸ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. С. VII.

⁹ Там же. С. VIII.

школу права,¹⁰ характерной особенностью познания явлений которой был формально-логический метод исследования. Являясь важным инструментом в руках юриста, он, однако, уже не обеспечивал всестороннего и объективного познания качественно многообразных явлений, «представляющих интерес для уголовно-правовой науки».¹¹ Для их исследования необходимы были методы иных наук (естественных, технических, специальных), позволявшие преодолеть догматическое мышление в познании. Этому способствовал бурный рост новых знаний. Данный факт является определяющим в понимании причины, во многом обусловившей появление не только криминалистики, но и других, родственных с уголовным правом по объекту познания наук (криминологии, судебной статистики и др.).¹²

Эта ситуация характерна была не только для Западной Европы, Великобритании и США, но и для России. «С начала века в русской уголовно-правовой литературе критическое отношение к представлению об уголовно-правовой науке как науке догматической вызывает все большее сочувствие. Так, С. К. Гогель, обращая внимание на отсутствие новизны в предложенной в 1895 г. А. А. Пионтковским (отцом) классификации наук о преступлении и мерах борьбы с ним на криминологию — отдел социологии, уголовную политику и уголовную догматику, писал о том, что «никак нельзя ограничиваться изучением одного уголовного права в том смысле, как это понималось до сих пор».¹³ Заслуживает внимания его сравнение уголовно-правовой науки с наукой гражданского права с точки зрения методологии исследования. Если гражданское право представляет строго юридическую дисциплину, основанную на логическом методе, писал С. К. Гогель, то «применение того же метода в уголовном праве, отвлечение от живого человека во всем его разнообразии, со всеми его способностями, от социальных условий и привело науку уголовного права к кризису».¹⁴

Образовавшийся в сфере уголовно-правового познания в России кризис требовал не только отраженного в специальной литературе сочувствия, но и поиска вполне конкретных мер по его преодолению. Недостатки догматического познания и отдельные усилия в сторону расширения познавательных процессов расследования преступлений предпринимались в России еще до реформы 1864 г.¹⁵ Эта реформа, ознаменовавшая окончание теории формальных доказательств, создала благоприятные условия для научных исследований по дальнейшему развитию и поиску методов и средств познания.¹⁶

---

¹⁰ Там же. С. VII.

¹¹ Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975. С. 212.

¹² Поэтому утверждение Р. С. Белкина о том, что становлению криминалистики в разных странах «способствовало развитие уголовно-процессуальной науки», выглядит как минимум односторонним (см.: *История отечественной криминалистики*. М., 1999. С. 1).

¹³ Гогель С. К. Вопросы уголовного права, процесса, тюремоведения. СПб., 1906. С. 231, 229.

¹⁴ Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. С. 195.

¹⁵ См., напр.: Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства, с применением к Российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. 139, 142–145, 150, 155–156, 165; Колоколов Е. Правила и формы о производстве следствий, составленных по своду законов. М., 1850. С. 25, 73; Стояновский Н. И. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. СПб., 1852. С. 69; и др.

¹⁶ См., напр.: Уильз У. Опыт теории косвенных улик, объясненной примерами. М., 1864. С. 88–131; Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. Ч. 3. СПб., 1870. С. 251–252, 279, 292, 364–369, 464–488, 510–517; Бенгам И. Трактат о судебных доказательствах. Киев, 1876. С. 22–35, 111; Владимирова Л. Учение об уголовных доказательствах. Кн. 1. Уголовно-судебная достоверность. Харьков, 1882. С. 115; и др.

Так, в отличие от стран Западной Европы зарождались и формировались криминалистические знания в России. Этот путь можно назвать правовым (юридическим), так как криминалистические знания аккумулировались внутри уголовно-процессуальной науки, что дало основание в 1921 г. Г. Ю. Мансу заключить, что криминалистика, являясь прикладной дисциплиной, выросла из крайне развившегося учения о доказательствах.¹⁷ Очевидно, что прикладной в этом случае она была по отношению к науке уголовно-процессуального права и в большей степени состояла из приемов и методов специальных наук, что, конечно же, не исключало наличия и других методов.¹⁸

Такой путь развития криминалистики в России мог бы продолжаться и далее, однако многое в представлении о направлении развития криминалистических знаний изменилось с появлением «Руководства для судебных следователей как системы криминалистики» Г. Гросса.¹⁹ По изложенным выше причинам акцент в познании (доказывании) переносился в руководстве с формальных доказательств на вещественные, и согласно этому основными методами обнаружения и исследования различных следов преступления, процессов, обуславливающих его ход и развитие *реальностей уголовного права* (курсив мой. — С. В.), становились методы естественных и технических наук. Поэтому и путь развития криминалистики представлялся автору руководства естественно-научным согласно природе ее методов. Намерение выделить эту принципиальную особенность в подходе к формированию криминалистики привело к отличному от позиции Г. Ю. Манса мнению Б. М. Шавера, согласно которому Г. Гросс в отличие от своих предшественников «не ограничился изучением вопроса об овладении искусством проведения следственных действий и отысканием способов наиболее удачного сочетания их, а серьезно занялся и сумел показать громадное значение научного приспособления данных других наук для расследования преступлений и тем самым создал науку криминалистику».²⁰

Взаимоотношения криминалистики с уголовным правом в тот период еще были не определены. «Если рассматривать криминалистику как составную часть уголовного права, — писал Г. Гросс, — то криминалистика свои естественнонаучные методы должна внести в уголовное право, другой вопрос, будет ли ей это на пользу или в ущерб? Но если криминалистика не входит в уголовное право как интегрирующая часть, то оно должно предоставить ее собственным методам развития и те выводы, которые добыты криминалистикой, и ценность их не могут быть отрицаемы уголовной

---

¹⁷ Манс Г. Ю. Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания: Сб. профессоров и преподавателей Иркутского гос. ун-та. Иркутск, 1921. Отд. 1. Вып. 2. С. 147.

¹⁸ Так, например, в 1868 г. сообщалось о разработанном А. О. Борхманом способе изготовления гипсового слепка со следов людей и животных на любой почве (см.: Борхман А. О. О пластических снимках с человеческих и других следов в судебно-медицинском отношении // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1868. Кн. 3. С. 34). Фотографические методы исследования документов в суде еще до Г. Гросса в 1889 г. были разработаны Е. Ф. Буринским (см.: Крылов И. Ф. В мире криминалистики. Л., 1980. С. 11).

¹⁹ Подробнее об истории развития криминалистики в России см.: Крылов И. Ф. 1) В мире криминалистики; 2) Были и легенды криминалистики. Л., 1987; Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М., 1999; Криминалистика. 100 лет преподавания в высших учебных заведениях России. СПб., 2011.

²⁰ Шавер Б. М. Предмет и метод советской криминалистики // Социалистическая законность. 1938. № 6. С. 68.

юриспруденцией».²¹ Эти рассуждения Г. Гросса созвучны с теми, что волнуют научную общественность в России в силу их большой значимости для криминалистики до настоящего времени, и относятся к ее взаимоотношению не только с уголовным, но и с уголовно-процессуальным правом, а также со смежными науками, и в первую очередь с криминологией.²²

В первых отечественных работах, посвященных исследованию криминалистических знаний в дореволюционный период, приоритетным было естественно-научное направление,²³ отражающее взгляды основоположников западноевропейской школы криминалистики. Это было обусловлено не только воззрениями Г. Гросса, А. Бертильона, Р. А. Рейсса и других ученых, на природу методов, которые обеспечивали обнаружение и исследование реальностей уголовного права, не позволявших оценить криминалистику как интегрирующую часть уголовного права,²⁴ но и тем положением, что методы других наук (логики, психологии, НОТ) не отождествлялись с криминалистикой, так как исследовались в уголовно-процессуальном праве.²⁵

Показательно в этом отношении определение предмета «Основ уголовной техники», сформулированное С. Н. Трегубовым: «Не претендуя на самостоятельное научное значение, уголовная техника является прикладною, преследующею практические цели научной дисциплиной, тесно связанной с уголовно-процессуальным правом, и имеет своим предметом изучение наиболее целесообразных способов и приемов применения методов естественных наук и технических знаний к исследованию преступлений и установлению личности преступника».²⁶

С. Н. Трегубов видел прикладной практический характер уголовной техники по исследованию преступлений в тесной связи с уголовно-процессуальным правом. Эта принципиальная позиция одного из ведущих ученых России основывалась не только на собственных научных выводах, но и на недавно народившейся и продолжающей свое дальнейшее развитие, *любопытной отрасли уголовно-процессуального права — уголовной техники*,²⁷ курсы лекций по которой читал в г. Лозанне (Швейцария) в 1911 г. один из основоположников технических методов судебного расследования в Европе

²¹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. VIII.

²² См., напр.: *Эксархопуло А. А.* 1) Основы криминалистической теории. Л., 1992. С. 68; 2) Предмет и система криминалистики. Проблемы развития на рубеже XX–XXI веков. СПб., 2004. С. 109; 3) Криминалистика. СПб., 2009. С. 11–85; *Курс криминалистики: В 3 т. / Под ред. О. Н. Коршуновой и А. А. Степанова. Т. 1.* СПб., 2004. С. 40–41.

²³ См., напр.: *Лебедев В. И.* Искусство раскрытия преступлений. Ч. 1. Дактилоскопия. СПб., 1912; *Трегубов С. Н.* 1) Научная техника расследования преступлений. СПб., 1912; 2) Основы уголовной техники: Научно-технические приемы расследования преступлений. Пг., 1915.

²⁴ Основополагающей в праве являлась точка зрения, озвученная еще в 1904 г. Н. Д. Сергиевским, согласно которой, несмотря на то что «новая наука уголовного права весьма много обязана исследованиям этого рода» (биологическим и социологическим методам), уголовно-правовая наука, будучи юридической, не может пользоваться этими методами и они не могут быть соединены с методом юридического исследования в одной науке уголовного права (см.: *Русское уголовное право: Пособие к лекциям Н. Д. Сергиевского. Часть Общая. 5-е изд. С дополн. проф. А. А. Жижиленко.* СПб., 1904. С. 14).

²⁵ См., напр.: *Бразоль Б. Л.* Очерки по следственной части. История. Практика. Пг., 1916. С. 100–104, 181–215; и др.

²⁶ *Трегубов С. Н.* Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений. Пг., 1915. С. 14.

²⁷ Там же. С. VIII.

проф. Рудольф-Арчибальд Рейсс. «Немецкие ученые, — писал далее С. Н. Трегубов, — относят эту научную дисциплину к так называемой “криминалистике”. Но последняя, понимаемая даже в узком смысле, объемлет не только применение технических знаний в судебном деле, но и изучение психологических методов исследования. В широком же смысле под криминалистикой разумеются все вспомогательные для уголовного права науки».²⁸ Не отождествляя уголовную технику с криминалистикой, а рассматривая ее как отрасль уголовно-процессуального права, С. Н. Трегубов и отмечал в определении отсутствие у этой отрасли претензий на самостоятельное научное значение.

В связи с этим следует сделать некоторые уточнения, важные для понимания значения работы С. Н. Трегубова и некоторых оценочных суждений, с ней связанных. Так, И. Ф. Крылов, анализируя вышеприведенное определение предмета уголовной техники, делает вывод, что «самостоятельного развития криминалистика в дореволюционной России не получила».²⁹ Однако, учитывая сказанное выше, следует заметить, что дело, конечно же, не во взглядах С. Н. Трегубова, высказанных в его несомненно нужной и полезной работе, и даже не в том, что криминалистика «в наследство от дореволюционного прошлого получила очень мало, так как в царской России применение научных методов в расследовании преступлений носило зачаточный характер»,³⁰ а в том, что и во всем остальном свете криминалистика пребывала еще в этом самом зачаточном состоянии, характеризующемся многоголосицей мнений о ее предмете, системе и месте среди других наук. Поэтому за очень короткий отрезок времени, прошедший с момента появления руководства для судебных следователей Г. Гросса (1895–1897 гг., Смоленск, 1908 г., СПб.), в России до событий 1917 г. ничего значительного в становлении отечественной криминалистики произойти не могло. Исходя из столь непростой ситуации в развитии криминалистических знаний в России, отнесение С. Н. Трегубовым уголовной техники пусть и в качестве прикладной отрасли уголовно-процессуального права к юридическим наукам, по причине применения научно-технических средств и методов в рамках уголовно-процессуальных норм при расследовании преступлений, было для того периода весьма прогрессивным и дальновидным решением.

В свете вышеизложенного нельзя согласиться и с выводом А. А. Эксархопуло, базирующимся на анализе все того же определения С. Н. Трегубова о том, что один «из первых и наиболее ярких представителей ученых дореволюционной России, развивавших взгляды на криминалистику как на техническую, прикладную дисциплину, был С. Н. Трегубов».³¹ Строго говоря, он развивал в России взгляды свои и Рудольфа-Арчибальда Рейсса на уголовную технику, которая, по его мнению, была отраслью уголовно-процессуального права, а не на криминалистику Г. Гросса, существенно от нее отличавшуюся. В отличие от С. Н. Трегубова Г. Гросс, рассматривая криминалистику как самостоятельную науку, допускал ее интеграцию в качестве составной части в уголовное, но не в уголовно-процессуальное право.³² Все упоминания о формальном праве, встречаемые у Г. Гросса, относятся или к характеристике различий в предметах наук уголовного, уголовно-процессуального права и криминалистики, или к взаимному

²⁸ Там же. С. IX.

²⁹ Крылов И. Ф. В мире криминалистики. Л., 1989. С. 11.

³⁰ Васильев А. Н. Введение в курс советской криминалистики. М., 1962. С. 23.

³¹ Эксархопуло А. А. Предмет и система криминалистики. С. 8–9.

³² Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. VIII.

влиянию этих наук друг на друга, или к пересмотру устоявшихся взглядов на содержание уголовного и уголовно-процессуального права,³³ что не одно и то же. Поэтому высказывание А. А. Эксархопуло о том, что Г. Гросс, считая криминалистику вспомогательной наукой по отношению к уголовному праву, «имел здесь в виду и материальное, и формальное уголовное право (т. е. процесс. — А. Э.)»,³⁴ является неточным.

Исторически в России криминалистические знания формировались в уголовно-процессуальной сфере по расследованию преступлений. Это положение было обусловлено настоятельной необходимостью, вытекающей из нужд расследования и заключающейся в повышении эффективности производства следственных действий с помощью тех или иных средств, методов и приемов, привносимых в расследование из других наук и передовой следственной, судебной и экспертной практики. Однако специальной науки, которая могла бы аккумулировать эти знания, развивать их и исследовать связанные с ними вопросы не существовало. Поскольку эти проблемы были ближе всего представителям уголовно-процессуального права, они и стали на начальном этапе заниматься их разработкой. Из сказанного вытекают два важных вывода, имеющих принципиальное значение для дальнейшего исследования науковедческих вопросов криминалистики, понимания ее роли, места, значения и задач в деле борьбы с преступностью: 1) криминалистика начала формироваться в уголовно-процессуальной сфере для повышения эффективности расследования преступлений. Поэтому все исследования в области криминалистики, разработка и совершенствование ее средств, методов и приемов неотделимы от этой сферы; 2) сложилась криминалистика на основе творческого использования данных других наук (естественных, технических, специальных) и передовой практики расследования преступлений. Ни одной другой науке функция творческого приспособления методов других наук для целей расследования преступлений не свойственна в силу их природного правового характера. Это не согласуется с их назначением, содержанием и ролью в сфере борьбы с преступностью. Если бы какая-то из этих правовых наук могла выполнить эту функцию, то необходимость в криминалистике как самостоятельной науке могла бы и не возникнуть. Примером тому служит использование специальных знаний в уголовно-процессуальном праве (институт экспертизы) экспертами, специалистами при расследовании преступлений. В этом случае средства и методы других наук используются непосредственно в том виде и состоянии, которые они получили в физике, химии, биологии, логике, психологии и других науках. Когда не требуется переработка этих средств и методов, уголовно-процессуальное право самостоятельно без посредства криминалистики успешно решает стоящие перед ним задачи через свои правовые институты. Так осуществляется производство многочисленных судебных экспертиз и привлечение к производству расследования специалистов из различных областей знаний. Поэтому данное обстоятельство стало решающим во взаимоотношении криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом, определив самостоятельный путь развития нового научного знания.

В предисловии к работе Г. Гросса «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» Н. П. Яблоков пишет, что Г. Гросс, определив «криминалистику как учение о реальной стороне явлений, составляющих содержание уголовного права...

³³ Там же. С. VII–XI, XIV.

³⁴ Эксархопуло А. А. Предмет и система криминалистики. С. 52.

определил и основной объект криминалистического изучения — преступные деяния (их начало, их составные части, их дальнейшее течение и их цели). Следовательно, объектом ее изучения являлась преступная деятельность разных видов... Этот взгляд на объект созвучен и современным представлениям об объекте криминалистики». ³⁵

Действительно, созвучность этому представлению Н. П. Яблокова об основном объекте криминалистики в настоящее время не подлежит сомнению. ³⁶ Однако преступная деятельность как основной объект криминалистики из сказанного в данном контексте никак не выводится. По мнению Г. Гросса, «криминалистика как учение о реальностях уголовного права... раскрывает перед нами сущность преступных деяний...». ³⁷ В отличие от институтов уголовного права, формирующих установленные им основные положения преступных деяний («напр., об умысле, о неосторожности, о соучастии, о покушении, о необходимой обороне, о непреодолимой силе и т. п.»), ³⁸ криминалистика позволяет по следам, оставленным преступником при совершении преступления, раскрыть динамическую картину преступления («...их начало, их составные части, их дальнейшее течение и их цели»), ³⁹ т. е. его сущность. Таким образом, практическая реализация уголовно-правовых институтов осуществляется в том числе и через криминалистику, что соответствует, по мнению Г. Гросса, только одной цели уголовного права — «получить практическое применение». ⁴⁰

Реальности уголовного права — это последствия преступного деяния, отраженные в его следах, характеризующих способ совершения преступления и его динамическую картину в целом, мотив и цель преступления и пути к их распознаванию и раскрытию, что, по мнению Г. Гросса, и «составляет предмет криминалистики». ⁴¹ «Криминалистика по природе своей, — пишет Г. Гросс, — начинается лишь там, где уголовное право, также по своей природе, прекращает свою работу... Так, напр., что такое поджог в смысле правонарушения? Какие существуют виды поджога, какие положены наказания за него — все это скажет уголовное уложение, его комментарий и научная обработка его. Как должен действовать судья, какие сообщать формальности в отношении подсудимого, свидетелей и экспертов — об этом говорится в уголовном процессе. Но как действует преступник при самом совершении поджога, какие средства и помощь он имеет в своем распоряжении, как можно раскрывать способы совершения поджога и как обнаружить виновника — все это дело криминалистики». ⁴²

Следовательно, преступная деятельность разных видов не являлась объектом изучения криминалистики по Г. Гроссу, как это считает Н. П. Яблоков, и не является таковой сегодня. Как социальное явление это объект изучения других юридических и не юридических наук (криминологии, судебной психологии, судебной социологии, статистики, ОРД и др.). Объектом познания криминалистики является де-факто

---

³⁵ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. V.

³⁶ См., напр.: Чельшева О. В. Объект и предмет криминалистики (генезис, содержание, перспективы развития). СПб., 2001; Эксархопуло А. А. 1) Основы криминалистической теории; 2) Предмет и система криминалистики; 3) Криминалистика: Учебник. СПб., 2009. С. 11–86; и др.

³⁷ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. С. IX.

³⁸ Там же. С. VIII.

³⁹ Там же. С. IX.

⁴⁰ Там же. С. VIII–IX.

⁴¹ Там же. С. VII.

⁴² Там же.

конкретное деяние в его конечной фазе для выяснения де-юре его конкретной сущности. В этом заключается и состоит вспомогательная, прикладная роль криминалистики *со строго ограниченной, по Г. Гроссу, областью ее предмета.*⁴³

Точка зрения Н. П. Яблокова по данному вопросу, как, впрочем, и мнения его последователей скорее отражают не объективную реальность во взглядах Г. Гросса, а некие собственные воззрения, которые высказывались им ранее и были подвергнуты справедливой критике. Так, А. Н. Васильев, рассматривая предложения Н. П. Яблокова о включении в предмет криминалистики и, в частности, методики расследования предупреждения преступности и вытекающую из этого профилактическую работу, «которые являются не вспомогательными элементами методики расследования, а ее необходимой и важной составной частью»,⁴⁴ справедливо отметил, «что особого “криминалистического” предупреждения преступлений не существует и нет никаких оснований для выделения такого понятия».⁴⁵ Отмечая расширение предмета криминалистики за счет включения в него криминалистического прогнозирования, которое по замыслу Н. П. Яблокова должно опираться на криминологическое прогнозирование и дополнять его, А. Н. Васильев пишет: «Однако если “дополнением” считать результаты “многолетнего, всестороннего и системного обобщения следственной практики”, внедрение в криминалистическое прогнозирование “автоматической логической обработки следственной практики”, “использование обработанных ЭВМ данных для криминалистических прогнозов... применение самих машин в целях такого рода предсказаний”, как пишет Н. П. Яблоков, то криминологическое основное и криминалистическое дополнение к нему явно должны будут в своей субординации поменяться местами, с чем согласиться никак нельзя».⁴⁶

Необходимо учитывать, что определение объекта и предмета криминалистики Г. Гроссом было обусловлено объективными сложностями. Во-первых, это широкое содержание самого руководства, охватывавшее средства, приемы и методы многих областей знаний, отдельные из которых еще не имели самостоятельного научного значения, но были крайне важны для познания обстоятельств совершенного преступления.⁴⁷ Так, в предисловии к 4-му изданию Г. Гросс писал: «В отношении содержания я издаю руководство в последний раз в той же системе. Когда криминалистика впервые появилась в свете, то нельзя было уяснить себе, какой именно материал должен быть отнесен к ней и как должен быть распределен; с течением времени выяснилось, однако, что в ней соединены и смешаны учения чисто теоретические и практические».⁴⁸ Во-вторых, это представление о криминалистике как о науке, которая могла быть интегрирована в качестве составной части в уголовное право.

---

⁴³ Там же.

⁴⁴ Яблоков Н. П. Совершенствование методических основ расследования преступлений // Советское государство и право. 1976. № 2. С. 71.

⁴⁵ Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. С. 18.

⁴⁶ Там же. С. 19.

⁴⁷ В предисловии к 3-му изданию Г. Гросс, в частности, отмечал: «...я сделал и некоторые ограничения, так как кое-что оказалось не настолько достоверным, как я предполагал... Из настоящего издания исключен медицинский словарь, так как по суд. медицине появилось не мало специальных, подручных для С. С. изданий» (Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. С. VI).

⁴⁸ Там же. С. XV.

Стремление придать криминалистике самостоятельный характер, показать особое значение при расследовании совершенных преступлений, определить некий юридический вектор собственного пути развития и явилось основанием для ее характеристики как учения о реальностях уголовного права. В связи с этим Г. Гроссу приходилось объяснять сторонникам буквального толкования понятия «учение о реальностях уголовного права», что настоящее «Руководство» не знаменует собой создание новой школы права, а является самостоятельной, вспомогательной, прикладной наукой со строго ограниченной областью ее предмета.⁴⁹

Однако если для того периода, по изложенным выше соображениям, это было естественно и понятно, то для подобного расширения объектно-предметной сферы криминалистики в наши дни нет никаких научных оснований. Поэтому такие научные произведения⁵⁰ справедливо удостоиваются самой негативной оценки⁵¹ и их вклад в развитие криминалистики не может быть оценен положительно. Эту ситуацию нельзя объяснить и обосновать некими идеями «основоположника криминалистики»,⁵² который, стремясь к совершенствованию системы науки, вовсе не распространял последнюю на область исследования уголовного и уголовно-процессуального права. Обозначенные Г. Гроссом в предисловии к 4-му изданию «руководства» две части под названием «Теоретическое учение о проявлениях преступлений» и «Практическое руководство для производства следствия», исходя из их авторского содержания, по существу кардинально ничего не меняли, сохраняя на тот период все особенности практического пособия для судебных следователей.

Современные исследователи научных основ криминалистики, видимо, увидели в этих названиях отражение их видения системы науки, ее объекта и предмета познания. Так появилась теория, тоже состоящая из двух частей: «учение о преступлении» и «учение о расследовании»,⁵³ — которую, по справедливому замечанию Р. С. Белкина, «не следует оставлять без внимания» как попытку автора «обогатить криминалистику еще двумя фантомами». ⁵⁴ Замена данных понятий такими, как «механизм преступления» и «механизм расследования»,⁵⁵ — по существу сказанного Р. С. Белкиным ничего не меняет.

Смысл обозначенного Г. Гроссом отношения криминалистики с уголовным и уголовно-процессуальным правом в связи с этим наиболее точно отражен в работах А. Н. Васильева. «Взаимоотношения криминалистики и науки уголовного права складываются из двух направлений. Во-первых, криминалистика, руководствуясь положениями, разработанными наукой уголовного процесса, и помогая осуществлению уголовно-процессуального закона, тем самым помогает реализации требований уголовного закона

⁴⁹ Там же. С. VII.

⁵⁰ См., напр.: *Герасимов И. Ф.* Проблемы общей теории раскрытия преступлений и криминалистическая тактика // Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1979. С. 51; *Пантелеев И. Ф.* Теоретические проблемы советской криминалистики. М., 1980. С. 11–18; *Гавло В. К.* О предмете криминалистики и сфере приложения ее научного потенциала // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики на современном этапе. Одесса, 1993. С. 112–113; *Зорин Г. А.* Криминалистическая методология. Минск, 2000. С. 608.

⁵¹ См., напр.: *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 219–237.

⁵² *Эксархопуло А. А.* Криминалистика. С. 33.

⁵³ *Гавло В. К.* О предмете криминалистики и сфере приложения ее научного потенциала. С. 112–113.

⁵⁴ *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 228.

⁵⁵ *Чельшева О. В.* Объект и предмет криминалистики. СПб., 2001. С. 72–104.

и положений науки уголовного права, поскольку уголовный процесс является формой проведения в жизнь уголовного права. Во-вторых, криминалистика непосредственно руководствуется положениями, разработанными наукой уголовного права, о понятии преступления, состава преступления, вины, соучастия и т. д., а в планировании расследования, разработке версий, определении обстоятельств, подлежащих установлению в процессе расследования, исходит из элементов соответствующего состава преступления... Аналогичным образом строятся взаимоотношения и разграничение компетенции между криминалистикой и криминологией».⁵⁶

Следует сказать, что акцентирование внимания на понятиях «преступление»,⁵⁷ «преступная деятельность»,⁵⁸ «преступность»⁵⁹ как объектах криминалистического исследования, якобы созвучных пониманию криминалистики как науки о реальностях уголовного права, не только приводит к отрицательным последствиям в понимании сущности и выстраивании системы зарубежной криминалистики,⁶⁰ но и негативно сказывается на отечественной науке. К настоящему времени сформировалось большое количество наук (юридических, гуманитарных, отраслевых), изучающих явления, процессы, так или иначе связанные с преступлением, в связи с чем особую актуальность приобретает дифференциация научного знания в объектно-предметной области исследования.

Полемизирование между сторонниками данного представления об объекте и предмете криминалистики, несмотря на некую общую приверженность идее исследования преступной деятельности, не нашло общего понимания в данном вопросе. Это, в первую очередь, объясняется широким содержанием понятия «преступная деятельность», которая, по справедливому мнению самого Н. П. Яблокова «очерченная и нормативно описанная уголовно-правовым законом, включающая в себя различного рода группы и виды противоправного поведения и складывающиеся при этом определенные комплексы общественных отношений, действий, событий и т. д., является объектом изучения не только криминалистики, но и уголовного права, криминологии, а также и ряда неюридических наук (психологии, социологии и др.). Каждая из них имеет в данном объекте свой специфический предмет изучения... Деятельность по раскрытию и расследованию имеет различные аспекты и изучается не только криминалистикой, но и уголовно-процессуальным правом, судебной психологией и т. п. Каждая из наук и дисциплин обладает в этом объекте своим предметом изучения».⁶¹ Поэтому все сторонники данного представления об объекте и предмете криминалистики вынуждены постоянно напоминать, что «и преступление, и процесс его познания изучаются

⁵⁶ Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. С. 15.

⁵⁷ *Криминалистика* / Под ред. Р. С. Белкина, Г. Г. Зуйкова. М., 1968. С. 9. — По мнению А. А. Эксархопуло, получившие в этом определении (имеется в виду определение предмета криминалистики. — С. В.) отражение «закономерности возникновения доказательств» раскрывали сущность преступления как объекта криминалистического познания» (Эксархопуло А. А. 1) *Криминалистика*. С. 18; 2) Предмет и система криминалистики. С. 14).

⁵⁸ Возгрин И. А. Введение в криминалистику. СПб., 2003. С. 32; *Криминалистика* / Под общ. ред. Е. П. Ищенко, А. Г. Филиппова; под ред. В. Д. Зеленского, Г. М. Меретукова. М., 2007. С. 18; *Криминалистика: Учебник* / Л. Я. Драпкин, В. Н. Карагодин. М., 2008. С. 3.

⁵⁹ *Криминалистика* / Под ред. Е. П. Ищенко. М., 2007. С. 18; *Криминалистика* / Под ред. А. Г. Филиппова. М., 2005. С. 10.

⁶⁰ См., напр.: *Криминалистика* / Под ред. В. Я. Колдина. С. 16–17; и др.

⁶¹ Яблоков Н. П. Объект и предмет криминалистического изучения // Вестник Московского ун-та. Сер. 11 «Право». 1997. № 1. С. 27.

криминалистикой не в полном объеме, ибо и то и другое относится к объектам познания и в других науках криминалистического цикла (уголовном праве, уголовном процессе, судебной психологии и т. д.), а в специфическом ракурсе, раскрывающем отдельные стороны этих объектов».⁶²

На этом единство взглядов на данную область исследования заканчивается, и специфический криминалистический ракурс отдельных сторон преступления, преступной деятельности и преступности выглядит несоизмеримым с функцией и задачей криминалистики. Так, рассуждая о пределах расширения предмета криминалистики, А. А. Эксархопуло отметил, что «в установлении пределов криминалистики решающую роль играет объект криминалистики», в качестве которого, по его мнению, выступают «преступление и деятельность, направленная на познание события преступления».⁶³ Руководствуясь этим критерием, он критикует позицию Г. А. Зорина, В. В. Степанова и Р. Б. Хаметова, а также Т. С. Волчетской, В. П. Бахина и Н. С. Карпова за необоснованное расширение предмета криминалистики за счет включения в него вопросов, не связанных с понятием «преступление».⁶⁴ К сказанному следует добавить и то, что пределы расширения предмета криминалистики напрямую зависят и от того, насколько корректно, т. е. выверенно, точно определен объект исследования науки, т. е. тот самый специфический ракурс объекта криминалистики.

Представляется, что необоснованное определение общих для ряда смежных наук понятий, коими являются «преступление», «преступная деятельность» и «преступность», в качестве специфического объекта криминалистического исследования делает невозможным ограничение искусственного расширения пределов предмета криминалистики. Правильно отмечая, что «в определении предмета криминалистики находят отражение отдельные, криминалистически значимые, стороны или аспекты познаваемых ею явлений объективной действительности»,⁶⁵ А. А. Эксархопуло, принимая за объект криминалистического исследования преступление, выстраивает перспективную, с его точки зрения, модель криминалистики, где в качестве самостоятельной части науки включает «криминалистическое учение о преступлении (“криминальная техника”)».⁶⁶

Строго говоря, учение о преступлении в целом и отдельных его сторон является неотъемлемой частью науки уголовного права. В криминалистике используются отдельные положения этого учения применительно к особенностям расследования отдельных видов преступлений. Следовательно, самостоятельного криминалистического учения о преступлении быть не может; это будет либо дублирование уголовно-правового

---

⁶² Эксархопуло А. А. Криминалистика. С. 25.

⁶³ Эксархопуло А. А. Предмет и система криминалистики. С. 25.

⁶⁴ Там же. С. 20–26. — Однако сам автор безупречен в решении подобных вопросов, связанных с исследованием прикладного значения криминалистики, где под «прикладной криминалистикой» он понимает «использование состоявшихся криминалистических решений для научной разработки “некриминалистических” проблем иных отраслей знания или иных сфер общественной, в том числе правоприменительной, практики, находящихся за рамками уголовного судопроизводства» (Там же. С. 55). Если криминалистические решения (разработки) творчески приспособляются в других областях знаний «к решению задач иной сферы практической деятельности» (с. 54), то в силу этого они перестают быть криминалистическими; если же никакого приспособления не происходит, то налицо заимствование методов криминалистики, не образующее какой-то специальной прикладной криминалистики.

⁶⁵ Там же. С. 25.

⁶⁶ Там же. С. 109.

учения, либо учение об особенностях использования в расследовании отдельных элементов уголовно-правового понятия. Но учения об особенностях не бывает. Соответственно эти отдельные элементы уголовно-правового понятия «преступление» и рассматриваются в соответствующих частях криминалистики применительно к специфике использования орудий, средств и способов совершения преступлений. Кроме того, обозначенные в качестве структурных элементов криминалистического учения о преступлении учение о личности преступника, криминалистическая виктимология (учение о жертве преступления) являются самостоятельными фундаментальными объектами исследования в соответствующих науках (криминологии и др.).

Еще большим стремлением к искусственному расширению пределов предмета криминалистики страдают взгляды тех авторов, которые видят в качестве специфических объектов познания криминалистики преступную деятельность и преступность. «...Объектом криминалистики на современном этапе ее развития, — пишет И. А. Возгрин, — являются следующие элементы познаваемого мира:

1. Преступная, или криминальная, деятельность лиц, подготавливающих, совершающих и скрывающих свои общественно опасные деяния, запрещенные уголовным законом под угрозой наказания.

2. Информация, порождаемая преступлением и связанная с ним.

3. Судебно-следственная практика, включающая весь спектр деятельности специально уполномоченных законом должностных лиц, осуществляющих работу по уголовным делам». ⁶⁷ И хотя далее автор пишет, что обозначенные элементы познаваемого мира «исследуются многими отраслями знания... такими науками, как уголовное право и уголовный процесс, криминология, теория оперативно-розыскной деятельности, криминалистика, а также другими науками, в том числе и не правового цикла», ⁶⁸ ориентирование на преступную деятельность в качестве объекта криминалистического исследования не позволяет И. А. Возгрину, как показывает анализ его работы, правильно расставить акценты в этом сложном вопросе, расширяя пределы предмета криминалистики до неприемлемых размеров.

В связи со сказанным следует отметить, что сожаления ряда авторов, придерживающихся данной концепции криминалистического объекта исследования по поводу того, что профессиональные особенности и быт преступников, язык криминального мира, обычаи и средства общения, действительность, связанная с преступностью, т. е. те аспекты криминалистического исследования, которые были обозначены в работе Г. Гросса, якобы «надолго выпали из поля зрения криминалистов», ⁶⁹ «не изучались криминалистикой с должным вниманием», ⁷⁰ «до сих пор остаются малоизученными», ⁷¹ являются необоснованными, не учитывающими как минимум изменений, произошедших в развитии научного знания в целом, свидетельством чего является появление новых наук (криминологии, судебной социологии, судебной статистики, ОРД и др.) и высокого уровня зрелости, достигнутого самой отечественной криминалистикой, о чем ученые много рассуждают в своих исследованиях.

---

⁶⁷ *Возгрин И. А.* Введение в криминалистику. СПб., 2003. С. 32.

⁶⁸ Там же. С. 34.

⁶⁹ *Чельшьева О. В.* Объект и предмет криминалистики. СПб., 2001. С. 47.

⁷⁰ *Эксархопуло А. А.* Криминалистика. С. 17.

⁷¹ *Возгрин И. А.* Введение в криминалистику. С. 36.

Если во времена Г. Гросса, как уже отмечалось выше, было сложно дифференцировать объектно-предметную область криминалистики, отчего многие вопросы включались автором руководства для судебных следователей в систему криминалистики, то впоследствии стало очевидным, что эти вопросы, обозначенные сторонниками «преступной концепции», не вписываются в рамки (пределы) предмета криминалистики, так как относятся сегодня к криминологии, юридической социологии, оперативно-розыскной деятельности. ОРД «представляет собой специфический вид деятельности, осуществляемой... посредством применения специальных сил, средств и методов сбора информации внутри преступного мира (курсив мой. — С. В.), выполнения иных оперативно-розыскных мероприятий»,⁷² что, в первую очередь, предполагает изучение профессиональных особенностей, быта, языка криминального мира, обычаев и средств общения преступников. Данные вопросы потому и не изучались криминалистами, что обоснованно относились в первую очередь к предмету ОРД, самостоятельной дисциплины, отличной по своей разведывательной природе и диапазону применения от криминалистики. Оперативно-розыскная деятельность обладает специфическими чертами, носит ярко выраженный разведывательный характер, что выделяет ее из других областей знаний. Решаемые с ее помощью задачи в сравнении с задачами уголовно-процессуального расследования преступлений значительно шире: выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие преступлений, выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, розыск без вести пропавших; добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической, экологической безопасности РФ (ст. 2 Федерального Закона РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»). Поэтому ОРД вполне заслуживает самостоятельного места в сфере борьбы с преступностью. «Существовавшая ранее точка зрения о том, что оперативно-розыскные действия, используемые в расследовании, охватываются криминалистикой, объясняется главным образом тем, что особая дисциплина, объединяющая все виды оперативно-розыскных действий, находилась в процессе становления. По мере того, как эта дисциплина заняла свое место в системе наук, вышеуказанная точка зрения изменилась».⁷³

Это справедливое уточнение А. Н. Васильева относится к предложению В. П. Колмакова и А. Н. Колесниченко, включивших в 1956 г. в криминалистику (следственную тактику) оперативно-розыскные действия.⁷⁴ В тот период это предложение объяснялось отсутствием глубокого исследования данных вопросов, новизной проблемы, успешное разрешение которой во многом было ускорено благодаря привлечению к ее рассмотрению большого количества ведущих ученых. В результате были разработаны теоретические основы оперативно-розыскной деятельности, куда в настоящее время отнесены все вопросы, касающиеся ОРД. Аналогичные предложения, прозвучавшие в 70-е годы, уже выглядели неубедительно,⁷⁵ так как не способствовали «укреплению правовой

⁷² Громов Н. А., Гуцин А. Н., Луговец Н. В., Лямин М. Н. Доказательства, доказывание и использование результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2005. С. 6.

⁷³ Криминалистика / Под ред. А. Н. Васильева. М., 1980. С. 11.

⁷⁴ Колмаков В. П., Колесниченко А. Н. Тезисы докладов на научной конференции по работам, выполненным в 1955 году. Харьков, 1956. С. 44–46.

⁷⁵ См., напр.: Дулов А. В., Нестеренко П. Д. Тактика следственных действий. Минск, 1971. С. 15; Та-насевич В. Г. О предмете советской криминалистики // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 24. М.,

основы оперативно-розыскной работы, не позволяли отграничить ее от уголовно-процессуальной деятельности, проходящей в ином правовом режиме».⁷⁶ В настоящее время после принятия Федерального закона об ОРД,⁷⁷ в той его части, где задачи ОРД и криминалистики коррелируются в уголовно-процессуальной сфере по оказанию помощи органам дознания и предварительного следствия в успешном раскрытии и расследовании преступлений, а также в розыске лиц, скрывающихся от следствия и суда, подобные предложения следует воспринимать как анахронизм.⁷⁸

Так, высказывая свое несогласие с позицией Р. С. Белкина о том, что криминалистика не обслуживает оперативно-розыскную деятельность, В. П. Бахин задает вопрос: «кто будет заниматься разработкой теоретических основ следоведения и практических средств и методов деятельности, которые еще не стали предметной задачей криминалистики, потребностью следственной деятельности, но настоятельно необходимы в иных сферах?».⁷⁹ Ответ очевиден: специальная дисциплина — ОРД. В свете перечисленных задач оперативно-розыскной деятельности видно, что именно она нуждается в разработке иных научно-технических средств, методов и теоретических основ следоведения (материальных и идеальных отображений), результаты применения которых в настоящее время не входят в сферу уголовно-процессуального регулирования, например, информация, полученная с использованием полиграфа. При этом следует отметить, что даже в тех случаях, когда в специальной литературе освещаются организационные вопросы взаимодействия (сочетания) оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий (криминалистический аспект исследования), то внимание в основном концентрируется на уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных аспектах, выходящих за рамки криминалистики. Эти положения регулируются соответствующими законодательными актами федерального и ведомственного уровней, что имеет несомненно важное значение для соответствующих должностных лиц (следователь, дознаватель, эксперт и др.), для выстраивания ими правильных, законных взаимоотношений в рамках решаемых их ведомствами и подразделениями задач. Однако при этом не учитывается, что данные взаимоотношения, как и сама деятельность данных должностных лиц, по своим масштабам значительно превосходят границы, исследуемые криминалистикой.⁸⁰

1976. С. 115–116; *Бердичевский Ф. Ю.* О предмете и понятийном аппарате криминалистики // Там же. С. 140; *Герасимов И. Ф.* Проблемы общей теории раскрытия преступлений // Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1979. С. 51–54.

⁷⁶ *Гребельский Д. В.* Правовая основа оперативно-розыскной деятельности советской милиции // Социалистическая законность. 1974. № 3. С. 55–56.

⁷⁷ Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности (в ред. от 22 августа 2004 г.).

⁷⁸ *Бахин В. П.* Криминалистика. Проблемы и мнения (1962–2002). Киев, 2002. С. 9–10.

⁷⁹ Там же. С. 10.

⁸⁰ См., напр.: *Криминалистика* / Под ред. И. Ф. Крылова, А. И. Бастрыкина. М., 2001. С. 85–95; *Криминалистика* / Под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. С. 443–454; *Возгрин И. А.* Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. СПб., 2003. С. 124. — Автор к криминалистическим относит проблемы «взаимодействия следователей и оперативных работников в процессе предупреждения, раскрытия и расследования преступлений; при разработке рекомендаций по использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовных делах; в криминалистическом учении о розыске по уголовным делам и пр.», представляющие в основном общие проблемы уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности; *Криминалистика* / Под общ. ред. Е. П. Ищенко, А. Г. Филиппова; под ред. В. Д. Зеленского, Г. М. Меретукова. С. 93–101; *Дранкин Л. Я., Карагодин В. Н.* Криминалистика. М., 2008. С. 196–205; *Эксархопуло А. А.* Криминалистика. С. 481–492 и др.

«Криминалистика, — пишут Е. П. Ищенко и А. А. Топорков, — наука, которая изучает и обобщает опыт борьбы с преступностью...».⁸¹ Ее объектом служат «преступная деятельность и деятельность по раскрытию и расследованию преступлений, составляющих их различные процессы и отношения, свойства и признаки».⁸²

Не может криминалистика изучать и обобщать опыт борьбы с преступностью и не должна этого делать. Для изучения и обобщения этого социального явления, охватывающего «всю совокупность совершаемых преступных действий и бездействий и наступивших общественно опасных результатов»,⁸³ существуют специальные науки (криминология, социология и др.), что, конечно же, известно авторам данного учебника по криминалистике. Поэтому всякое применение данного понятия по отношению к криминалистике сопровождается разъяснением, что это «весьма сложное, многоаспектное социальное явление, изучаемое рядом наук, каждая из которых исследует его определенные стороны, конкретную группу его закономерностей».⁸⁴ Остается только определить эту сторону, группу исследуемых в данном явлении криминалистикой закономерностей. По мнению Е. П. Ищенко и А. А. Топоркова, этим объектом «исследования криминалистики является функциональная сторона преступности, система действий и отношений, образующих механизм преступления. Поэтому из числа изучаемых криминалистикой следует прежде всего назвать закономерности *механизма совершения преступления*».⁸⁵ Однако функциональная сторона преступности, система действий и отношений являются объектом изучения криминологии. «Как индивидуальное преступное поведение, так и преступность в целом, — пишет В. Н. Кудрявцев, — не статические, застывшие явления, а процессы, которые развиваются в пространстве и времени».⁸⁶

Представляется, что в основе столь широкого понимания Е. П. Ищенко, А. А. Топоркова, как и других обозначенных выше авторов, пределов объекта, а следовательно, и предмета криминалистики, растворяющего и без того ее нечеткие границы, находится не только и не столько мнение Г. Гросса о том, что предмет криминалистики составляют исследования способов совершения преступлений и их раскрытия, что связывалось с расследованием отдельных видов преступлений, сколько мнение о том, что сформулированное Р. С. Белкиным в 1968 г. определение предмета криминалистики, в котором говорилось о закономерностях возникновения доказательств, «раскрывало сущность преступления как объекта криминалистического познания».⁸⁷

Аналогичного мнения придерживалась несколько ранее и О. В. Чельшева, которая видит прогресс в сформулированном в 1976 г. Ю. И. Краснобаевым определении предмета криминалистики, включающем «закономерности формирования способа подготовки, совершения и сокрытия преступлений». Он (прогресс) представляется ей в том, что «автор акцентировал внимание на важности изучения закономерностей преступной деятельности субъекта преступления».⁸⁸ В связи с этим можно сказать, что

---

⁸¹ Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика / Под ред. Е. П. Ищенко. М., 2007. С. 18.

⁸² Там же. С. 20.

⁸³ Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М., 1968. С. 106.

⁸⁴ Криминалистика / Под ред. Е. П. Ищенко. С. 20.

⁸⁵ Там же. С. 18.

⁸⁶ Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. С. 107.

⁸⁷ Эксархопуло А. А. Криминалистика. СПб., 2009. С. 18.

⁸⁸ Чельшева О. В. Объект и предмет криминалистики. С. 73.

каждый автор волен включать в определение (дефиницию) те или иные особенности исследуемого им предмета, которые, по его мнению, представляются ему наиболее значимыми, существенными, равно как в той же мере и анализирующий это определение ученый волен давать ему свою оценку. Однако данный «прогресс» во многом обусловлен неукоснительным требованием научной новизны исследования, которая и проявилась в кандидатской диссертации Ю. И. Краснобаева данным способом.⁸⁹

Главное же состоит в том, как будет в научном отношении оценено исследование и какой импульс оно в состоянии придать научной мысли, какой вектор направления. Применительно к рассматриваемому случаю многое в этом отношении было сделано научным руководителем Ю. И. Краснобаева, известным ученым Р. С. Белкиным, который, скорректировав данную позицию, указал: «...если уж называть в определении преступную деятельность предметом познания, то следует говорить не столько о способе преступления, сколько о механизме преступления, то есть о системе преступной деятельности, в которой способ преступления лишь одно из звеньев».⁹⁰

«С тех пор, — пишет О. В. Чельшева, — большинство ученых стали связывать закономерности, исследуемые криминалистической наукой, с механизмом преступления».⁹¹ До этого, по ее мнению, «взгляд ученых надолго был прикован к исследованию материальных последствий преступления, а изучение закономерностей их совершения, обусловивших их возникновение, отошло на второй план. Только с середины 70-х годов двадцатого века ученые вновь серьезно заинтересовались проблемами способа и механизма преступления».⁹²

Поскольку высказанный О. В. Чельшевой взгляд достаточно распространен среди сегодняшних представителей криминалистической науки, то необходимо сделать кое-какие уточнения. Во-первых, взгляд ученых неспроста обращен на материальные последствия преступления, так как они были и остаются основным звеном в системе криминалистики Г. Гросса (немые свидетели), а именно на него сегодня и ссылаются авторы данной концепции. Кроме того, материальные и, конечно же, идеальные последствия преступления вкупе с научными средствами, приемами и методами, творчески приспособленными для их обнаружения и исследования, образуют реальную, а не вакуумную объектно-предметную область криминалистической науки. Во-вторых, закономерность совершения преступления, т. е. его способ, не отходил на второй план, как полагает О. В. Чельшева, а исследовался в рамках методики расследования отдельных видов преступлений.⁹³

Истинные причины столь широкого увлечения вопросами механизма преступления среди современных представителей криминалистической науки объясняются

---

⁸⁹ Краснобаев Ю. И. Понятие предмета советской криминалистики (история и современное состояние проблемы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1976. С. 17.

⁹⁰ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. М., 1987. С. 52.

⁹¹ Чельшева О. В. Объект и предмет криминалистики. С. 73.

⁹² Там же.

⁹³ См., напр.: Васильев А. Н., Мудьюгин Г. Н., Якубович Н. А. Планирование расследования преступлений. М., 1957. С. 65; Куранова Э. Д. Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений // Вопросы криминалистики. М., 1962. № 6–7. С. 159; Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1965. С. 18; Криминалистика / Под ред. Р. С. Белкина, Г. Г. Зуйкова. М., 1968. С. 483–485; Самойлов Г. А. Основы криминалистического учения о навыках. М., 1968. С. 106–107; Зуйков Г. Г. Установление способа совершения преступления. М., 1970. С. 15–16; и др.

процитированным выше высказыванием Р. С. Белкина о том, что «следует говорить не столько о способе преступления, сколько о механизме преступления, то есть о системе преступной деятельности, в которой способ преступления лишь одно из звеньев». Это было воспринято, как и многие другие его предложения, в качестве перспективного направления научного исследования. В отличие от всех предыдущих криминалистических наработок в этой сфере новизна исследования заключается в том, что механизм преступления уже представляется системой преступной деятельности со значительно большими пределами исследования предмета, в котором способ преступления только один из его элементов. Фактически он приобретает значение некоего общенаучного криминалистического учения, в котором акцент в исследовании переносится с конкретных методических рекомендаций на общенаучные, зачастую философские категории, практическое значение которых весьма сложно оценить. В связи с этим требуется и системная перестройка науки криминалистики, которая в практическом плане ничего полезного не создает, кроме видимости новизны решения «проблемы».⁹⁴ Поэтому способ преступления, являющийся элементом криминалистической методики расследования преступлений, становится частью динамической системы преступной деятельности (механизм преступления).

В связи с этим будет уместным привести высказывания последователей Р. С. Белкина, на протяжении последних десятилетий развивающих его взгляды на объектно-предметную область криминалистики, а также ее теоретические аспекты. Так, И. А. Возгрин отметил, что, несмотря на ряд положительных результатов «при разработке общей теории криминалистики, данный процесс приобрел в настоящее время и некоторые негативные аспекты. Дело в том, что криминалистика, являясь прикладной юридической наукой, должна заниматься главным образом решением прагматических задач, т. е. исследованием таких вопросов, которые дают практически полезные результаты в виде новых технических средств, тактических приемов и методических рекомендаций для более успешного выявления и изобличения лиц, совершивших преступления. Фактически же в последние годы началось повсеместное увлечение исследованиями общетеоретических проблем в криминалистике, что привело к диспропорции в ее развитии и, как следствие, к снижению роли в борьбе с преступностью».⁹⁵ А. А. Эксархопуло, касаясь новых для криминалистики фактов, которые могут обнаруживаться в разных процессах (практических, теоретических, законодательных), отметил: «Далеко не все из них порождают проблему, требующую создания новой научной теории. Формулируемая на основе новых выявленных фактов проблема может оказаться не только бесперспективной для разрешения, но и некорректной по своей сути либо бессмысленной для разработки научными средствами. Надуманные, основанные на некоторых новых явлениях в сфере борьбы с преступностью “новые” криминалистические проблемы или провозглашенные таковыми последнее время часто становятся предметом столь же надуманных теоретических исследований».⁹⁶ Данные высказывания вполне применимы к характеристике «новизны» и значению данного «учения».

Рассматривая различные подходы к формулированию понятия механизма преступления, О. В. Чельшева отмечает, что Р. С. Белкин указывал на то, что «не все

⁹⁴ См., напр.: Чельшева О. В. Объект и предмет криминалистики. С. 139–143; Эксархопуло А. А. Предмет и система криминалистики. С. 108–112; и др.

⁹⁵ Возгрин И. А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. С. 106.

⁹⁶ Эксархопуло А. А. Криминалистика. С. 67–68.

закономерности механизма преступления могут быть отнесены к предмету криминалистики, а только закономерности возникновения и развития связей и отношений внутри механизма преступления, закономерности формирования и реализации способа преступления, закономерности возникновения и течения, связанных с преступлением явлений до — и после криминального порядка, имеющих значение для следственной, оперативно-розыскной и экспертной практики».⁹⁷ По существу, за исключением слов «до и после криминального порядка и значения для оперативно-розыскной практики», которые не охватываются предметом криминалистики, это понимание механизма преступления ничем существенным не отличается от определения способа совершения преступления, которое существует в методике расследования отдельных видов преступлений. Под криминалистическим понятием способа совершения преступления понимается «комплекс действий, избираемый преступником для достижения преступного результата в соответствии с его личными свойствами и объективной обстановкой, образующий механизм преступления, который отражается в материальных и нематериальных следах преступления, позволяющих сделать вывод о физических и психических чертах преступника, о его месте среди людей и вещей в событии преступления, о мотивах и целях его действий».⁹⁸

Однако определение способа совершения преступления, сформулированное А. Н. Васильевым, в сравнении с закономерностями механизма преступления, отнесенного к предмету криминалистики Р. С. Белкиным, имеет ряд существенных преимуществ. Во-первых, оно не претендует на место среди теоретических основ криминалистики, сохраняя традиционную, апробированную практикой приверженность методике расследования отдельных видов преступлений. Во-вторых, данное определение способа совершения преступления состоит из ясных и понятных элементов, имеющих четкую практическую направленность. В-третьих, с позиций системно-структурного подхода выделение общих черт и свойств способа совершения преступления должно быть максимально приближенным по целям и задачам к особенностям расследования конкретных преступлений, что становится возможным только в том случае, если способ совершения преступления наряду с другими элементами системы образует общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. И, в-четвертых, что также важно, предложенное А. Н. Васильевым содержание способа совершения преступления не создает иллюзий расширения пределов предмета криминалистической науки за счет вопросов, традиционно относящихся к предметам других наук и не исследуемых в криминалистике в силу ее специального характера.

Вышесказанное подтверждается результатами проведенных исследований. «В последние годы, — пишет О. В. Чельшева, — проведен ряд серьезных научных исследований, связанных с развитием учения о механизме преступления, однако до настоящего времени эти достижения практически не реализованы ни в разработке тактических рекомендаций, ни в создании частных методик расследования».⁹⁹ Невостребованность результатов этих исследований можно объяснить оторванностью общетеоретических учений от реалий практики расследования в ситуации, более пригодной для удовлетворения собственных амбиций исследователя, нежели практических нужд расследования.

⁹⁷ Чельшева О. В. Объект и предмет криминалистики. С. 73–74.

⁹⁸ Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978. С. 29.

⁹⁹ Чельшева О. В. Объект и предмет криминалистики. С. 72.

Задолго до этого было известно, что это очень сложный общеметодический вопрос, имеющий большое практическое значение, решение которого с позиций, предлагаемых Р. С. Белкиным, О. В. Чельшевой и другими учеными, весьма сомнительно. «Одно из основных положений методики расследования отдельных видов преступлений, — пишет Э. Д. Куранова, — указывает на необходимость изучения способов совершения преступлений применительно к их определенному виду. Это признается всеми авторами, которые касались этого вопроса. Однако недостаток имеющихся высказываний состоит, на наш взгляд, в том, что эта зависимость методики расследования от способов совершения преступлений конкретно не раскрывается. Чем она обусловлена, в чем выражается и как реально может быть использована при конструировании методики расследования преступления определенного вида? Что значит изучить способы совершения преступления?».¹⁰⁰

Предложение Р. С. Белкина о включении в определение предмета криминалистической науки механизма преступления является отражением его видения объектно-предметной сферы криминалистики, продемонстрированного им еще в 1968 г. в определении предмета криминалистики как науки «о закономерностях возникновения, собирания, исследования и использования доказательств и основанных на познаниях этих закономерностей средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений»,¹⁰¹ и понимания криминалистической природы, в которой «теорию доказательств можно рассматривать не только как смежную для криминалистики и науки уголовного процесса область, но и как область общую для обеих этих наук».¹⁰²

Точка зрения Р. С. Белкина была подвергнута справедливой критике. В частности, А. Н. Васильевым отмечалось: «Такое понимание природы криминалистики неизбежно ведет к необоснованному сращиванию ее с наукой уголовного процесса».¹⁰³ Несмотря на то что криминалистические знания аккумулировались на стадии зарождения криминалистики внутри уголовно-процессуальной науки, отчего ее природа и представлялась Р. С. Белкину юридической,¹⁰⁴ в дальнейшем она «потому и сформировалась в самостоятельную отрасль знаний, что оказалась иной по природе... Если бы связь криминалистики со специальными науками носила лишь “частный и локальный характер”, а ее основной “питательной средой” были доказательственное право и правовые науки, как утверждает Р. С. Белкин, то существование такой криминалистики параллельно с наукой уголовного процесса, решающей задачу применения на практике норм уголовно-процессуального права, было бы не оправдано подлинными научными интересами и действительной потребностью практики. Во всяком случае могла бы параллельно существовать в качестве более или менее автономного придатка к науке уголовного процесса лишь криминалистическая техника, которая по своим специфическим свойствам даже при самом большом желании обосновать ее происхождение от доказательственного права и правовых наук никак не может быть выведена из этого “материнского источника”».¹⁰⁵

---

¹⁰⁰ Куранова Э. Д. Об основных положениях методики расследования отдельных видов преступлений // Вопросы криминалистики. М., 1962. № 6–7. С. 159.

¹⁰¹ Криминалистика / Под ред. Р. С. Белкина, Г. Г. Зуйкова. М., 1968. С. 9.

¹⁰² Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970. С. 43.

¹⁰³ Васильев А. Н. Следственная тактика. М., 1976. С. 12.

¹⁰⁴ Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 31.

¹⁰⁵ Васильев А. Н. Следственная тактика. С. 12–13.

Справедливость написанного А. Н. Васильевым подтверждается проведенным выше исследованием исторического развития криминалистики.

Кроме того, обращалось внимание на то, что данное определение предмета криминалистики «носит слишком общий характер, не дающий конкретного представления о предмете криминалистики, ее природе, задачах».¹⁰⁶ А в рецензии Р. С. Брайнина на учебник криминалистики, в котором давалось это определение, отмечалось, что «закономерности возникновения доказательств в стадии их собирания больше относятся к уголовному процессу (в частности, к процессу доказывания) и включение их в определение криминалистики нельзя признать достаточно обоснованным».¹⁰⁷ М. С. Строгович указал, что это определение «во многом захватывает и уголовный процесс и уголовное право».¹⁰⁸ Представляется, что эти взгляды Р. С. Белкина позволили Г. М. Миньковскому и А. Р. Ратинову заключить, что «пограничные конфликты» между криминалистикой и другими науками автор разрешает не всегда бесспорно. Особенно когда дело касается соотношения криминалистики с наукой уголовного процесса».¹⁰⁹ По справедливому мнению Г. М. Миньковского, «а) правовые нормы, устанавливающие порядок собирания, исследования и оценки доказательств по уголовным делам; б) практическая деятельность органов суда, следствия и дознания в процессе доказывания, а также деятельность лиц, привлекаемых к участию в этом процессе; в) закономерности, связанные с возникновением, хранением, передачей и переработкой доказательственной информации» образуют самостоятельный предмет теории доказательств.¹¹⁰

Сказанное не позволяет согласиться с мнением А. А. Эксархопуло о положительной оценке определения Р. С. Белкина, где в заслугу ему ставится то, что якобы «он первым обратил внимание на закономерности как на существенное в предмете науки... что его новое определение вернуло нас к тому пониманию круга изучаемых криминалистикой явлений объективной действительности, который был обозначен еще Г. Гроссом, а получившие в этом определении отражение “закономерности возникновения доказательств” раскрывали сущность преступления как объекта криминалистического познания».¹¹¹

Предмет всякой самостоятельной науки образуют те или иные закономерности, поэтому в указании на это ничего существенного нет. Значительно более важным представляется определение содержания данных закономерностей, их природы, а в интерпретации Р. С. Белкина они не безупречны. Преступление как уголовно-правовая категория, как социальное явление в первую очередь является объектом познания других наук (уголовного, уголовно-процессуального права, криминологии, социологии и др.). Объектом, познаваемым криминалистикой, являются материальные и идеальные последствия преступного деяния, запечатленные в различных следах (реальности уголовного права, по Г. Гроссу), образующие в своей совокупности и взаимосвязи его

¹⁰⁶ *Криминалистика* / Под ред. А. Н. Васильева. М., 1971. С. 7.

¹⁰⁷ *Брайнин Р. С.* Рецензия на учебник криминалистики для юридических вузов / Под ред. профессора Р. С. Белкина и доц. Г. Г. Жуйкова. — Цит. по: *Васильев А. Н.* Следственная тактика. М., 1976. С. 12.

¹⁰⁸ *Вопросы борьбы с преступностью* // Труды Иркутского государственного университета. Т. 85. Серия юридическая. 1970. С. 120.

¹⁰⁹ *Миньковский Г. М., Ратинов А. Р.* О предмете криминалистики и ее соотношении с другими отраслями научного знания // *Вопросы борьбы с преступностью*. Вып. 30. М., 1979. С. 138–140.

¹¹⁰ *Теория доказательств в советском уголовном процессе*. М., 1973. С. 17.

¹¹¹ *Эксархопуло А. А.* Криминалистика. С. 18.

динамическую картину, а также закономерности научного приспособления, а в некоторых случаях и преобразования современных наработок и методов других наук для создания криминалистических средств, приемов и методов, обеспечивающих криминалистическую сторону такого познания.

«Взгляды Р. С. Белкина, — пишет А. А. Эксархопуло, — на предмет криминалистики стали объективным отражением начавшейся с 1960-х годов активной разработки этой темы в рамках криминалистических учений о способах совершения преступления, о личности преступника, криминалистической характеристике преступлений и т. д.».¹¹² Что из этого вышло, можно судить хотя бы по цитированному выше заключению О. В. Чельшевой о том, что теоретическое учение о способе преступления практической реализации в конструировании частных методик не получило. Криминалистическая характеристика преступлений, по выражению самого Р. С. Белкина, «не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя, и из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом».¹¹³ Такой же оценки удостоились и многие другие аналогичные теории: общая теория раскрытия преступлений (И. Ф. Герасимов); криминалистика обвинения (Г. А. Зорин); криминалистическое учение о преступлении и учение о расследовании (В. К. Гавло); криминалистическое учение о следственных действиях (И. Ф. Герасимов) и др.¹¹⁴

Соглашаясь в целом с оценкой данных теорий Р. С. Белкиным, следует несколько подробнее остановиться на одной из них в связи с понятием «механизм преступления». Критикуя позицию В. К. Гавло, он пишет: «Что может представлять собой криминалистическое “учение о преступлении”? Поскольку нас интересует только функциональная сторона преступной деятельности, которая полностью отражена существующей криминалистической категорией “механизм преступления”, в подобном учении просто нет необходимости, имея при этом в виду, что все остальные аспекты преступления составляют предмет уголовно-правового учения о преступлении. Что же касается того, что криминалистическая характеристика преступления и есть “учение о преступлении”, то такое утверждение просто не соответствует понятию и содержанию криминалистической характеристики, представляющей собой научную абстракцию, типизацию лишь *некоторых* признаков преступлений определенного рода или вида».¹¹⁵

Следовательно, по мнению Р. С. Белкина, механизм преступления — это та криминалистическая категория, которая позволяет провести четкую демаркационную линию не только между криминалистикой и уголовно-правовой наукой, но и между криминалистикой и уголовно-процессуальным правом. Логика его рассуждений состоит в том, что «собрание доказательств — часть доказывания, и поэтому оно есть объект исследования уголовно-процессуальной науки. Но в этом случае ее предмет составляют не те закономерности, которые проявляются в самом содержании процесса собирания доказательств, в его механизме, которые обуславливают “обнаруживаемость” доказательств, — это предмет криминалистики, а те закономерности, под воздействием которых формируются процессуальный порядок этапа доказывания, его формы и средства, то есть процессуальные действия».¹¹⁶

¹¹² Там же. С. 18–19.

¹¹³ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 223.

¹¹⁴ Там же. С. 220–237.

¹¹⁵ Там же. С. 228.

¹¹⁶ Белкин Р. С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 180.

В этом случае получается, что ни функциональная сторона преступной деятельности, ни функциональная сторона процесса собирания доказательств, как динамические процессы, обуславливающие существование подвижной составляющей их внутренней организации, т. е. механизма жизнедеятельности этих систем, никакого значения не имеют и этими науками не учитываются, с чем, конечно же, согласиться никак нельзя, ибо это равносильно признанию неспособности институтов уголовного и уголовно-процессуального права решать стоящие перед ними задачи своими средствами и методами. Закономерности, формирующие процессуальный порядок, формы и средства процессуального доказывания, в части реализации норм уголовного и уголовно-процессуального законов основываются на уголовном и уголовно-процессуальном понимании способа преступления, где в первом случае «это один из важных элементов характеристики преступления, его общественной опасности, а также общественной опасности преступника, выраженной в его поведении»,¹¹⁷ а во втором — «это главным образом часть развернутой характеристики события преступления как жизненного факта в определенном месте, времени, сопровождавшегося применением таких-то средств, и т. д.».¹¹⁸ Поэтому они являются элементами их механизма преступления в познании преступного события.

Механизм обнаружения («обнаруживаемости», по Р. С. Белкину) доказательств составляет неотъемлемую функциональную черту процессуальных действий, которые в своей совокупности образуют систему расследования уголовного дела, направленную на собирание¹¹⁹ доказательств, их исследование, проверку и оценку, куда входит и механизм преступления. Особая роль в собирании доказательств принадлежит следственным действиям (ст. 86 УПК РФ), которые отличаются от других процессуальных действий уровнем регламентации, направленностью на решение различных задач в доказывании и методами познания, образующими наряду с другими положениями их содержание. По существу это предусмотренные и детально регламентированные уголовно-процессуальным законом, обеспеченные принуждением правовые способы и средства получения, формирования и систематизации сведений, применяемые при расследовании преступлений с определенной познавательной целью.

Познавательная функция следственных действий складывается из системы различных методов (рациональных, чувственных, специальных), используемых при производстве следственных действий, что обеспечивает полное, всестороннее и объективное исследование разнообразных следов и обстоятельств преступления. Раскрытие преступления (общая цель) и элементов, его образующих (частная цель), осуществляется с помощью всей системы познавательных методов и носит комплексный, системный характер. Следовательно, все познавательные методы, несмотря на их различие, входят в содержание следственных действий. Иное понимание содержания следственных действий неизбежно ведет к одностороннему пониманию их сущности и содержания, преуменьшению роли ряда познавательных методов и в результате к отрицательным последствиям при достижении целей следственных действий. Использование

---

¹¹⁷ Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. С. 26.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Термин «собрать» употребляется в разном значении. В уголовно-процессуальной сфере деятельности под собиранием понимается обнаружение, получение доказательств путем проведения процессуальных и следственных действий с последующим сосредоточением всех сведений о преступлении в рамках расследуемого уголовного дела.

познавательных методов в ходе производства следственных действий предполагает в том числе и применение таких методов, использование которых становится возможным в судопроизводстве только после творческой их переработки криминалистикой, доведения их до необходимого с позиций уголовно-процессуального права уровня требований, которые в результате и образуют научно-технические средства, тактические приемы и методические рекомендации криминалистики (ч. 6 ст. 164; ч. 2 ст. 189 УПК РФ).

«Обнаруживаемость», по Р. С. Белкину, как составное звено «механизма преступления» не выполняет той разграничительной функции в размежевании предметов наук уголовно-правового цикла, которую этому понятию он отводит. Элементы (составные части) механизма преступления данных наук (уголовного и уголовно-процессуального права) также направлены на «обнаруживаемость» доказательств преступления, как и средства, методы и приемы криминалистики. Так, например, тактические приемы, которые, по мнению Р. С. Белкина, в качестве рациональных способов действий входят в уголовно-процессуальные нормы права (следственные действия) в качестве их составных частей, оставаясь при этом тактическими приемами криминалистики (с чем, конечно же, согласиться нельзя) наряду с другими нормативными элементами, обеспечивающими «обнаруживаемость» доказательств, необходимо будет по данному признаку отграничить от уголовно-процессуальных средств познания, составной частью которых они являются, что само по себе нереально да и абсурдно. Но даже если придерживаться объективной точки зрения, согласно которой тактические приемы — это структурные элементы криминалистической науки, а не уголовно-процессуального права, то и тогда нельзя отрицать того факта, что средства уголовно-процессуального права, отраженные в уголовно-процессуальных нормах закона, сами по себе не обеспечивают «обнаруживаемость» доказательств.

Предпочтительной в связи с этим представляется позиция Г. М. Миньковского, озвученная им еще в 1973 г.: «Многие из этих закономерностей носят неоднозначный характер “приблизительных обобщений” или тенденций, в частности, те из них, которые лежат в основании косвенного доказывания. Некоторые факты и закономерности, относящиеся, например, к формированию свидетельских показаний или к образованию и использованию материальных следов, представляют специфические проявления более общих законов познания, психической деятельности или материальных взаимодействий в особых условиях. Это же относится и к некоторым явлениям и закономерностям социального порядка, на основе изучения которых формулируются правила удостоверения доказательств, предупреждающие случайное или умышленное искажение информации. Дальнейшая детализация этих закономерностей, проявляющихся в конкретных условиях формирования отдельных разновидностей доказательственной информации, ниже того уровня общности, который положен в основу нормативного регулирования, выходит за рамки теории доказательств. *Здесь начинается предметная область криминалистики*¹²⁰ (курсив мой. — С. В.)».

Представляется, что позиция Г. М. Миньковского в размежевании предметных областей криминалистики и других наук уголовно-правового цикла от «приблизительных обобщений» в сторону более «осязаемых явлений» действительности может быть существенно скорректирована с помощью одной из важнейших функций криминалистики,¹²¹

¹²⁰ Миньковский Г. М. Понятие и содержание теории доказательств. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд. М., 1973. С. 17–18.

¹²¹ Следует согласиться с И. А. Возгриным в том, «что проблема функций криминалистики еще не нашла своего достаточно полного разрешения и, учитывая ее большое значение для понимания

отличающих ее от всех иных правовых наук. Эта функция состоит в творческом приспособлении, а в некоторых случаях и преобразовании методов других наук для целей эффективного расследования преступлений, а также в разработке для этих целей собственных средств, методов и приемов. Существенным моментом при этом является указание на *эффективность* расследования преступлений. Потребность именно в эффективном расследовании преступлений с помощью криминалистических средств, методов и приемов явилась генерирующим фактором в становлении и развитии этой науки, так как обеспечивала экономию сил, времени, средств, полноту, всесторонность и объективность расследования и, что особенно важно подчеркнуть, значительно снижала количество многочисленных ошибок и заблуждений, присущих судопроизводству в целом в силу объективных и субъективных особенностей познания. Криминалистика со времен Г. Гросса в значительной степени обеспечивает этот новый уровень расследования (это обстоятельство, видимо, и сформировало сегодняшнее представление некоторых процессуалистов и криминалистов о ней как о науке, включающей весь спектр вопросов и проблем уголовно-правового цикла, некое «криминоведение»¹²²), так как все остальное могут обеспечить и традиционные формально-логические методы познания уголовного и уголовно-процессуального права вкупе с методами других наук.

Сказанное, казалось бы, убеждает в отсутствии практической целесообразности искусственного вычленения криминалистического аспекта механизма собирания доказательств из общей системы уголовно-процессуального познания преступного события. Однако в целях определения круга основных вопросов (закономерностей), изучаемых наукой, выстраивания наиболее оптимальной теоретической системы криминалистики это не только допустимо, но и необходимо делать. «...Предмет науки — это абстракция, которая, как и всякая абстракция, носит условный характер, но без которой нельзя обойтись при размежевании предметов разных наук...»,¹²³ — справедливо считает Ф. Ю. Бердичевский.

Определение «механизма преступления» в качестве функциональной криминалистической категории, позволяющей размежевать предметы смежных областей знаний (криминалистики и наук уголовно-правового цикла), превращает его в идеализированный объект, который наряду со вторым идеализированным объектом криминалистической науки («механизмом расследования»)¹²⁴ становится абстрактной моделью, теряющей свою основную практическую функцию — реального, структурного инструмента познания в методике расследования отдельных видов преступлений, превращаясь в очередное «Учение о механизме преступления... в общей теории криминалистики».¹²⁵ По существу это неубедительная попытка «модернизации» первого определения предмета криминалистики, предпринятая Р. С. Белкиным, которая в окончательном виде представляется наукой «о закономерностях механизма преступления, возникновения

природы, перспектив и тенденций развития криминалистического научного знания, нуждается в более активном исследовании» (Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. СПб., 2003. С. 102).

¹²² Под криминоведением понимается комплексная отрасль знания о преступности, объединяющая достижения всех наук, в той или иной степени изучающих преступление, преступность и борьбу с ней (Уголовный процесс России: Общая часть / Под ред. В. З. Лукашевича. СПб., 2004. С. 44).

¹²³ Бердичевский Ф. Ю. О предмете и понятийном аппарате криминалистики // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 24. М., 1976. С. 133.

¹²⁴ Чельшева О. В. Объект и предмет криминалистики. С. 67, 70.

¹²⁵ Там же. С. 72.

информации о преступлении и его участниках, собрания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений».¹²⁶

Несмотря на определенные изменения, внесенные Р. С. Белкиным в это определение (например, Ф. Ю. Бердичевский предлагал его модифицированное определение, где «закономерности возникновения, собрания, исследования, оценки и использования доказательств» заменялись закономерностями «возникновения информации о преступлении и совершивших его лицах...»¹²⁷), оно, по существу, отражает прежние взгляды автора на содержание объекта и предмета криминалистики. Иначе и нельзя понять мотивы отнесения механизма преступления к общетеоретической части криминалистической науки, если не рассматривать это как аргумент в пользу расширения пределов объектно-предметной области криминалистической теории.

Это подтверждается и позицией других авторов, поддерживающих и развивающих концепцию Р. С. Белкина. Так, О. В. Чельшева акцентирует внимание на том, что в «настоящее время практически все исследователи включают закономерности механизма преступления в предмет науки криминалистики в качестве первого элемента».¹²⁸ А. А. Эксархопуло ограничивает уголовно-правовые элементы преступления, подлежащие доказыванию по уголовному делу п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ (характер и размер причиненного вреда),¹²⁹ полагая, видимо, что все остальные элементы функциональной стороны преступления, т. е. его механизма, фигурируют в ст. 73 УПК РФ в качестве элементов криминалистического учения о преступлении, т. е. криминалистического учения о механизме преступления. Но этого не может быть в принципе, так как эти обстоятельства являются элементами уголовно-правового учения о преступлении.

Важное теоретическое и практическое значение механизма преступления отмечалось еще до того, как Р. С. Белкин отразил это в своем определении предмета криминалистики. Так, в 1971 г. А. Н. Васильев писал, что «криминалистику можно определить как науку об организации планомерного расследования преступления, эффективном обнаружении, собрании и исследовании доказательств в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона и о предупреждении преступлений путем применения для этих целей специальных приемов и средств, разработанных на основе естественных, технических и других специальных наук и изучения механизма преступлений (курсив мой. — С. В.) и формирования доказательств».¹³⁰ При этом под «механизмом преступления понимается процесс совершения преступления, в том числе его способ и все действия преступника, сопровождающиеся образованием следов материальных и не материальных, могущих быть использованными для раскрытия и расследования преступления».¹³¹

Если в первых представлениях о предмете отечественной криминалистической науки, в определении ее предмета концентрировалось внимание на общем плане, в частности на том, что это наука «о технических и тактических приемах и средствах обнаружения, собрания, фиксации и исследования судебных доказательств, применяемых для

¹²⁶ Белкин Р. С. Общая теория советской криминалистики. Саратов, 1986. С. 54.

¹²⁷ Бердичевский Ф. Ю. О предмете и понятийном аппарате криминалистики. С. 139–140.

¹²⁸ Чельшева О. В. Объект и предмет криминалистики. С. 72.

¹²⁹ Эксархопуло А. А. Криминалистика. С. 20.

¹³⁰ Криминалистика / Под ред. А. Н. Васильева. С. 7–8.

¹³¹ Там же. С. 8.

раскрытия преступлений...»,¹³² отличавших ее от чисто юридических наук, то в приведенном выше определении акцент делается на детализации наиболее важных с позиций понимания сущности и значения криминалистики положений. Так, в определении появилось указание на планомерную организацию расследования преступления, эффективное обнаружение, собирание и исследование доказательств в результате использования специальных приемов и средств криминалистики, разработанных на основе технических, естественных и других специальных наук и их соответствия нормам уголовно-процессуального закона, и изучение механизма преступлений. Кроме того, в этом определении четко прослеживается основное назначение криминалистики — обеспечение своими средствами, приемами и методами раскрытия и расследования преступлений, т. е. ее прикладной практический характер.

Дело в том, что уголовно-процессуальное право, являясь процессуальной формой проведения в жизнь уголовно-правовых норм и правовых институтов, в силу наиболее близкой связи с криминалистикой определяет и взаимоотношения последней с уголовным правом. Это проявляется в том, что «соответствующие положения науки уголовного права являются основополагающими для криминалистики, в частности в отношении понятия преступления, состава преступления, вины, соучастия и др.».¹³³ Наиболее отчетливо связь криминалистики с уголовным правом проявляется через планирование расследования и построение криминалистических версий в отношении обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), что имеет важное значение в деле установления истинных обстоятельств события. Однако несмотря на то что уголовно-процессуальный закон является основным организационным началом расследования преступлений, в нем не регламентируются планирование расследования и построение версий, которые, являясь тактическими приемами, разрабатываются криминалистической наукой.

Наряду с планированием расследования и построением версий изучение механизма преступлений также имеет весьма важное практическое значение для расследования происшедшего события, поскольку позволяет понять взаимосвязь между способами совершения преступлений и методами их раскрытия. Именно способ совершения преступления как «комплекс действий, избираемый преступником для достижения преступного результата в соответствии с его личными свойствами и объективной обстановкой, образующий механизм преступления, который отражается в материальных и нематериальных следах преступления, позволяющих сделать вывод о физических и психических чертах преступника, о его месте среди людей и вещей в событии преступления, о мотивах и целях его действий»¹³⁴ обладает характерными только для криминалистики чертами. Четко выраженная в отличие от уголовного и уголовно-процессуального права криминалистическая «окраска» этих методов познания и обусловила их включение в определение предмета науки криминалистики.

Необходимо сказать, что эффективность практического использования названных методов познания происшедшего события обеспечивается только в том случае, если исследование методов криминалистики осуществляется на основе познания общих законов диалектического материализма, конкретизированных к ее предмету, и особенностей системно-структурного подхода, ориентированного в формировании криминалистики на решение конкретных прикладных практических задач. С этих позиций

¹³² *Криминалистика* / Под ред. А. И. Винберга и С. П. Митричева. М., 1950. С. 4.

¹³³ *Криминалистика* / Под ред. А. Н. Васильева. М., 1980. С. 9.

¹³⁴ *Васильев А. Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. С. 29.

исследование планирования расследования преступлений, построение и проверку версий, механизма преступлений необходимо осуществлять в разделах криминалистики, наиболее приближенных по своему структурному содержанию и положению в системе науки не к методологии криминалистики, исследующей в том числе общенаучные связи и отношения криминалистики с философией, диалектической логикой как основами теории познания (всеобщей научной методологией), а к криминалистической тактике и методике расследования отдельных видов преступлений, где внимание концентрируется на тактико-методическом аспекте этих понятий. Это общие вопросы (методы, приемы), но не методологии науки криминалистики, а криминалистической тактики и методики расследования конкретных преступлений.

Именно такой подход в понимании механизма преступления и отражен в приведенном выше определении предмета криминалистики, сформулированном А. Н. Васильевым.

Объяснение отнесения механизма преступления, как, впрочем, и планирования расследования, построения и проверки криминалистических версий, привлечения общественности к участию в расследовании преступлений, взаимодействия следователя и оперативно-розыскных органов в процессе расследования преступлений к теоретическим основам криминалистики (методологии науки) можно найти в работах Р. С. Белкина, многочисленные идеи которого по пересмотру содержания и системы криминалистики¹³⁵ были восприняты его последователями как руководство к активным действиям в этом направлении.

«До конца 1960-х гг. во многих прикладных науках авторы, отдавая дань известным идеологическим канонам... чрезвычайно редко... обращались к диалектике действительно по делу... занимаясь, по существу, неким философским пустословием», в результате чего к «середине 1960-х гг. стало очевидным, что простое количественное пополнение содержания криминалистики — это тупиковый путь в ее развитии, исчерпавший себя». И хотя было бы «неверным считать, что до этого ученые-криминалисты были вообще чужды некоторым философским проблемам... все это происходило на путях простого заимствования философского знания без должного к нему критического отношения».¹³⁶

Поставив, таким образом, под сомнение научную состоятельность основоположников отечественной криминалистической науки, Р. С. Белкин взял за основу, с его точки зрения, важнейшие процессы «усиления интегративной роли философии, сближение философского и нефилософского знания... на базе новых философских представлений об иерархии научных методов, развенчивающих догматическое представление о диалектическом методе как единственном подлинно научном для всех областей познания». Он доказал, «что диалектический метод действительно является единственным всеобщим, но не единственным научным методом познания, что на его базе формируются другие научные методы меньшей общности — общенаучные и специальные методы частных наук. Эти революционные изменения в учении о методах научных исследований, потребовавшие пересмотра взглядов на более широкое научное понятие — методологию частной науки» нашли отражение в работе, не только свидетельствующей об отсутствии у ее автора идеологических предрассудков прошлой эпохи, но и обосновывающей выход из тупикового пути развития криминалистики в связи

¹³⁵ См., напр.: Белкин Р. С. 1) Курс советской криминалистики. Т. 2. Частные криминалистические теории. М., 1978. С. 278–322; 2) Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 79–81; и др.

¹³⁶ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 26–27.

с переходом простых количественных пополнений содержания криминалистики в качественные.¹³⁷

Анализ научных работ по отечественной криминалистике не подтверждает выводов Р. С. Белкина. Еще в 1962 г. А. Н. Васильев отмечал: «Все положения, разработанные криминалистикой, направлены на то, чтобы познать объективную истину в расследуемом факте. Это достигается на основе познания общих законов диалектического материализма, в соответствии с ленинским положением — от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике. Расследование преступлений требует использования и частных методов познания, помогающих применению положений материалистической диалектики для специфических задач расследования. Такими частными (специальными) методами познания в криминалистике являются обобщение следственной практики, изучение и использование взаимосвязи между способами совершения преступления и методами их раскрытия, построение следственных версий, активное использование данных естественных и технических наук».¹³⁸

Эти положения находили реальное воплощение в исследованиях, относящихся к теоретическим и практическим вопросам криминалистики. Так, например, исследуя сложный вопрос взаимоотношения теории доказательств и криминалистики, А. Н. Васильев в 1976 г. писал: «Действительно, в конкретных тактических приемах, а также в методах применения средств криминалистической техники находят отражение общие положения относимости и допустимости доказательств и оценки доказательственного значения тех или иных фактических данных, разработанные теорией доказательств. Однако криминалистическая сущность этих приемов и методов заключается в том, чтобы в конкретных условиях обнаружения, изъятия и исследования следа взлома соответствующие рекомендации были основаны на механизме и закономерностях образования этих следов, которые могли бы дать представление о примененном оружии и действиях преступника. Аналогично тактический прием исследования материальной обстановки, с которой связано расследуемое преступление, по своей криминалистической сущности основан на механизме взаимоотражения поведения преступника с этой обстановкой в данной ситуации, но в своем содержании учитывает вышеуказанные положения уголовно-процессуальной науки».¹³⁹

Разве эти рассуждения А. Н. Васильева не являются реальным воплощением и подтверждением связи криминалистики с диалектической логикой «и в первую очередь с такой концептуальной категорией философии, как отражение», которую Р. С. Белкин по праву считает теоретическим и практическим фундаментом криминалистики?¹⁴⁰ Однако, если в продолжение исследования темы взаимоотношения наук уголовного процесса и криминалистики, обозначенного А. Н. Васильевым, можно сказать его же словами, что только «такое понимание сущности криминалистики и ее взаимоотношений с наукой уголовного процесса обеспечивает правильное развитие криминалистики, направляя его по пути более активного и на более высоком уровне использования данных специальных наук и глубокого обобщения следственной практики для расследования

---

¹³⁷ Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики.

¹³⁸ Васильев А. Н. Введение в курс советской криминалистики. М., 1962. С. 22.

¹³⁹ Васильев А. Н. Следственная тактика. М., 1976. С. 16.

¹⁴⁰ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 31.

и предотвращения преступлений»,¹⁴¹ то по поводу исследований последних лет, развивающих взгляды Р. С. Белкина на объектно-предметную область криминалистики и ее связи со смежными науками, так сказать нельзя. Тут более приемлемы приведенные выше слова Р. С. Белкина о том, что это, скорее, тупиковый путь в развитии криминалистики, исчерпавший себя.

Не убедительны также и ссылки на интегративные роли процессов в формировании объектно-предметной области криминалистики и ее взаимоотношений со смежными науками, только еще более запутывающими эти и без того непростые вопросы.¹⁴² Р. С. Белкин так обосновывал роль этих процессов: «Мы рискуем даже “впасть в крамолу”, пойдя еще дальше и предположив, что теорию доказательств можно рассматривать не только как смежную для криминалистики и науки уголовного процесса область, но и как область, общую для обеих этих наук, ибо достаточно только посмотреть, как сейчас излагается теория доказательств, какие вопросы в ней рассматриваются (и идентификация, и логика, и психология, и теория информации и т. д.), чтобы убедиться, что эта теория давно вышла за рамки традиционного представления о содержании науки уголовного процесса».¹⁴³ В связи с этим А. Н. Васильев совершенно правильно отмечал, что «если наука уголовного процесса привлекает для развития теории доказательств специальные науки, разве это дает основание для науки криминалистики заниматься вопросами теории доказательств и тем самым дублировать науку уголовного процесса? Где тут логика? Использование данных специальных наук вовсе не составляет монополии криминалистики, и, конечно, они могут применяться наукой уголовного процесса для своих целей».¹⁴⁴

С течением времени эти доводы Р. С. Белкина не стали более убедительными, сохранив механическое перенесение в теоретическую сферу криминалистики интеграционных процессов, обуславливающих появление новых методов познания в уголовно-процессуальной сфере деятельности на примере процессуального института производства судебных экспертиз.¹⁴⁵ В связи с этим уместно привести слова Ф. Ю. Бердичевского, который отмечал: «Отсутствие четкой демаркационной линии между предметами криминалистики и уголовно-процессуальной науки, приводит, с одной стороны, к дублированию научных поисков, с другой — препятствует правильному выбору направления последних, затрудняет видение собственных криминалистических проблем. Сложившееся положение, тем не менее, иногда пытаются оправдать ссылками на тенденцию современных наук к интеграции, сопутствующей их дифференциации».¹⁴⁶

---

¹⁴¹ Васильев А. Н. Следственная тактика. С. 16–17.

¹⁴² См., напр.: Лузгин И. М. К вопросу о предмете советской криминалистики // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики: Сб. Свердловск. 1972. С. 169; Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 21–26.

¹⁴³ Белкин Р. С. 1) Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. С. 43; 2) Закон, уголовно-процессуальная наука и криминалистика // Советское государство и право. 1979. № 4. С. 84.

¹⁴⁴ Васильев А. Н. Проблемы советской криминалистики // Социалистическая законность. 1973. № 3. С. 26.

¹⁴⁵ См., напр.: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 23; Аверьянова Т. В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источники и основы новых методов судебной экспертизы. М., 1994. С. 9–15; и др.

¹⁴⁶ Бердичевский Ф. Ю. О предмете и понятийном аппарате криминалистики // Вопросы борьбы с преступностью: Сб. Вып. 24. М., 1976. С. 131.

Нельзя механизм преступления рассматривать как абстрактную модель теоретических основ криминалистики наподобие криминалистической характеристики преступлений, образующей некое очередное теоретическое учение,¹⁴⁷ со всеми отрицательными для криминалистики последствиями.¹⁴⁸ Это объективная категория, имеющая большое практическое значение и проявляющая себя в этом качестве в методике расследования отдельных видов преступлений.

Существуют и иные концепции в понимании сущности и содержания объектно-предметной области криминалистики. Так, В. А. Образцов считает, что объектом «криминалистического изучения и обеспечения является поисково-познавательная деятельность (практическое следоведение) должностных лиц органов, профессионально ведущих борьбу с преступностью, а также специалистов экспертно-криминалистических подразделений и судебных работников, осуществляющих правосудие по уголовным делам». Предметом же познания криминалистики охватываются: «1) закономерности организации и осуществления практического следоведения (познающе-преобразующей системы); 2) закономерности, лежащие в основе подготовки, совершения преступлений, противодействия правоохранительным органам и отражения этой деятельности (познаваемой системы)».¹⁴⁹

В. Я. Колдин и О. А. Крестовников в результате анализа ряда современных определений предмета криминалистики как науки о закономерностях отражения механизма преступления, пришли к выводу, что «существенный недостаток этих определений состоит в том, что в них нет самого объекта криминалистики — понятия криминалистической деятельности. Главное, ради чего создана наука криминалистика и что составляет ее социальную функцию, исчезло из определения науки».¹⁵⁰

Криминалистическая деятельность, по мнению данных авторов, — это продукт системно-структурного подхода, реализуемого посредством системно-деятельностных отношений в структуре методологии криминалистики. Поэтому «если сама криминалистическая деятельность исключается из предмета науки, то отсутствуют предпосылки применения этого метода».¹⁵¹ Включение же в предмет криминалистики данного метода предполагает, по мнению авторов этой «новеллы», сосредоточение усилий на исследовании «самого понятия криминалистической деятельности, выделения ее информационно-познавательной структуры в общей системе деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, взаимосвязи и разграничения криминалистического, оперативно-розыскного, процессуального и уголовно-правового аспектов деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений... определение задач, видов криминалистической деятельности и методологии решения общих и частных криминалистических задач. На основе изложенного можно говорить о формировании нового системно-деятельностного подхода к определению криминалистики».¹⁵²

Приведенные системно-деятельностные подходы объединяет с рассмотренной ранее теоретико-доказательственной концепцией то, что все они в большей или меньшей

---

¹⁴⁷ См., напр.: *Криминалистика* / Под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. С. 73.

¹⁴⁸ Белкин Р. С. *Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня*. С. 220–224.

¹⁴⁹ *Криминалистика* / Под ред. В. А. Образцова. М., 1999. С. 26, 29.

¹⁵⁰ *Криминалистика: информационные технологии доказывания* / Под ред. В. Я. Колдина. С. 35.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же.

степени необоснованно включают в предмет криминалистики вопросы, относящиеся к другим областям знаний. Тем более такой подход не оправдан, когда это касается фундаментальных теоретических понятий, таких, например, как преступление, преступная деятельность, деятельность субъектов уголовно-процессуальных отношений, теория доказательств, образующих основы теоретических учений других юридических и не юридических наук. При этом инициаторы и сторонники данных концепций, памятуя о том, что криминалистика — прикладная наука и поэтому «изучает закономерности объективной действительности не в качестве самоцели, а исключительно для эффективного раскрытия, расследования и предупреждения преступлений», а посему в ней «не может быть “чистых” абстрактных теорий, принципов и концепций, и всякое теоретическое построение должно иметь практический выход, обслуживать решение тех или иных практических задач»,¹⁵³ все же не могут правильно расставить акценты в исследовании. Это еще в большей степени приводит криминалистику к научному дисбалансу, где давно уже приоритет теоретических концепций над практической целесобразностью науки стали нормой в многочисленных так называемых исследованиях. Поэтому вполне обоснованным и понятным становится появление в интернете таких статей, как «Семь смертных грехов современной криминалистики» А. С. Александрова, в которой, несмотря на ряд принципиальных заблуждений автора, правильно отмечается, что криминалистика «превратилась в мегапроект, в рамках которого создается мировоззренческая платформа, общая для всех научных направлений по специальности 12. 00. 09. ... слишком широка криминалистика, а надо бы сузить: пора вернуться к черновой, полевой работе — техническому (и я бы сказал еще — тактическому и методическому. — С. В.) обслуживанию уголовного процесса. Оставить занятия по изобретению всякого рода спекулятивных схем — все равно никакого проку в этом нет».¹⁵⁴

Говоря по существу предложенных концепций, необходимо отметить, что какой-либо принципиальной новизной, а уж тем более пользой для науки они не отличаются, а являются плодом уже давно известных идей, высказанных в юридической литературе, на которые уже были даны соответствующие критические замечания.

Так, Р. С. Белкин, касаясь позиции В. А. Образцова, справедливо заметил: «Можно спорить по поводу того или иного определения сущности криминалистической науки, ее предмета, а можно просто оставить все споры в стороне, заменив название науки. Именно так и поступил В. А. Образцов, посчитавший, что нужно исходить из понятия следа, изучаемого криминалистами. Отсюда появилось на свет “научное следование”, а затем его реализация — “практическое следование”».¹⁵⁵ И далее, рассуждая по поводу того, что следы, как и содержащиеся в них сведения, обнаруживаются в процессе процессуальной деятельности, отчего было бы правильно говорить, используя такие «устаревшие» понятия, как «расследование», «доказывание», а не заменившее их ППД («поиско-познавательная деятельность»), Р. С. Белкин задается вопросом: «зачем? Что дает такая замена?». И не находит внятного ответа. Нам же представляется, что эти изменения только добавляют неопределенности, путаницы в и без того непростые, процессуально-криминалистические отношения. Подтверждением этого является, например, определение криминалистических основ практического следования как

¹⁵³ Там же. С. 41.

¹⁵⁴ Александров А. С. Семь смертных грехов современной криминалистики // www.Inaj.Net/node/360

¹⁵⁵ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 83.

системы «научно обоснованных, информационных, технологических и материально-технических моделей, обеспечивающих поиско-познавательный механизм реализации правовой информации в уголовном судопроизводстве».¹⁵⁶ За этим определением даже при большом желании сложно разглядеть науку криминалистику, так как собственно понятными по своему значению и содержанию являются только понятия «в уголовном судопроизводстве» и «криминалистические основы». Все остальное, скорее, относится к какому-то научно-техническому производственному процессу, связанному с информационными технологиями.

Криминалистическая деятельность в интерпретации В. Я. Колдина и О. А. Крестовникова не может выступать ни в качестве объекта, ни в качестве предмета криминалистики. Особой, самостоятельной, не связанной с уголовно-процессуальным правом «криминалистической» деятельности не существует, и, более того, для выделения такого понятия нет никаких оснований.

Как отмечалось выше, криминалистика зародилась в уголовно-процессуальной сфере деятельности для обеспечения эффективного расследования преступлений. Поэтому она — часть этой деятельности, имеющая с ней имманентную связь. Следовательно, все рассуждения, инновации, модернизации и прочие усовершенствования и новеллы, связанные с криминалистикой, нельзя рассматривать в отрыве от уголовно-процессуального права. В связи с этим при исследовании данного вопроса логично рассуждать не с автономной позиции криминалистики, а исходя из главного в расследовании — обеспечения выполнения требований уголовно-процессуального закона. Целесообразность выделения самостоятельного понятия «криминалистическая деятельность» как объекта криминалистического исследования может быть обусловлена только уголовно-процессуальным «заказом». Но для этого, как минимум, в уголовно-процессуальном законе должен быть предусмотрен субъект такой деятельности, определяемый как «криминалист». Однако в УПК в числе участников со стороны обвинения, защиты, а также иных участников уголовного судопроизводства такой самостоятельной процессуальной фигуры нет. Следовательно, если быть до конца последовательным, то авторам данной концепции необходимо признать, что в ней нет никакой необходимости, ибо прикладная роль криминалистики направляет ее усилия в изучении и познании только тех закономерностей объективной действительности, которые повышают эффективность расследования преступлений, а не изучаются в качестве самоцели науки или удовлетворения собственных научных амбиций авторов, что они сами отмечают в своем исследовании.

Криминалистика определялась как наука о раскрытии и расследовании преступлений, что, по справедливому замечанию В. Я. Колдина и О. А. Крестовникова, «охватывало самую суть криминалистики, но не являлось специфичным»,¹⁵⁷ так как эти задачи решались и с помощью других смежных наук. В связи с этим потребовался пересмотр представлений о границах ее предмета в сторону их конкретизации в соответствии со специальными задачами криминалистики. Однако строгого ограничения области исследования объекта и предмета криминалистики, раскрытия ее специфичной роли в расследовании преступлений не произошло. Сам по себе напрашивается вывод о том, что если даже такое понимание предмета криминалистики, потребовавшее строгого

---

¹⁵⁶ *Криминалистика* / Под ред. В. А. Образцова. С. 24.

¹⁵⁷ *Криминалистика* / Под ред. В. Я. Колдина. С. 31.

ограничения объекта исследования, не привело к желаемому результату, то как можно решить данную задачу, где «основным объектом криминалистического исследования является человеческая деятельность: с одной стороны, поведение преступника (в первую очередь как объект познания), с другой — деятельность криминалиста как объект управления и оптимизации».¹⁵⁸

В представлении В. Я. Колдина криминалистической деятельности отводится некая самостоятельная роль. Причем все функции, присущие уголовно-процессуальной деятельности, отнесены к криминалистической деятельности. Так, например, отмечая роль судебно-экспертных дисциплин в информационно-познавательной деятельности, он пишет: «Информация, полученная в результате применения этих специальных наук, интегрируется криминалистикой в доказательственные системы, на основе которых принимаются правовые решения. Координируя деятельность специалистов разного процессуального статуса, профессии, специальности, уровня подготовки, криминалистика направляет их усилия к достижению единой цели — установить истину по делу. Таким образом, криминалистику следует рассматривать как специальную методологию межпредметного юридического исследования и основную форму использования современного естественно-научного и технического знания при осуществлении правосудия».¹⁵⁹ Соответственно уголовно-процессуальная и криминалистическая деятельность в своей субординации должны будут поменяться местами, что не соответствует реальному положению вещей и уголовно-процессуальному закону.

Можно согласиться с мнением Р. С. Белкина о том, что «нет и не может быть никакой “криминалистической деятельности” в процессе расследования, помимо деятельности процессуальной, оперативно-розыскной или административно-правовой. И уж тем более не существует никаких “криминалистических отношений” в уголовном процессе, что вообще не требует никаких доказательств в связи с явной бессодержательностью допущения их наличия».¹⁶⁰

В связи с этим необходимо сделать некоторые уточнения, относящиеся к данным понятиям и предмету науки криминалистики. Отмечая, что предмет криминалистики образуют научно-технические средства, тактические приемы и методические рекомендации, А. И. Александров далее пишет: «Криминалистическая деятельность является составной частью деятельности по обнаружению и раскрытию преступления, т. е. составной частью уголовного процесса, и выполняет задачи, стоящие перед уголовным судопроизводством в целом... Относительная самостоятельность криминалистики, порожденная ее связью не со всем судопроизводством, а лишь с его частью — процессом доказывания, не исключает, а подтверждает вывод о том, что ее предметом является именно уголовно-процессуальное доказывание в качестве составной части уголовно-процессуальной деятельности».¹⁶¹

Во-первых, строго говоря, не криминалистическая деятельность выполняет задачи, стоящие перед уголовным судопроизводством, а криминалистика, которая при разработке средств, методов и приемов руководствуется принципами и положениями уголовно-процессуального права, в частности теории доказательств. И, во-вторых, связь криминалистики с процессом доказывания еще не говорит о том, что предмет

---

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же. С. 27.

¹⁶⁰ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. С. 237.

¹⁶¹ Уголовный процесс России: Общая часть / Под ред. В. З. Лукашевича. СПб., 2004. С. 41.

криминалистики — уголовно-процессуальное доказывание. Чем же тогда в этом случае являются отмеченные выше автором научно-технические средства, тактические приемы и методические рекомендации? И что же тогда образует предмет теории доказательств?

Руководствуясь всем вышесказанным, можно охарактеризовать *криминалистику* как систему методологических положений, специальных научно-технических, тактических и методических средств, методов и рекомендаций, разработанных на основе достижений естественных, технических, специальных наук и обобщения практики расследования преступлений путем их творческого приспособления в соответствии с принципами, задачами и положениями уголовно-процессуального права, применяемых с познавательной целью в уголовно-процессуальном исследовании обстоятельств происшедшего события для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования фактических данных, характеризующих сущность, содержание и динамику данного деяния.

Статья поступила в редакцию 20 марта 2013 г.